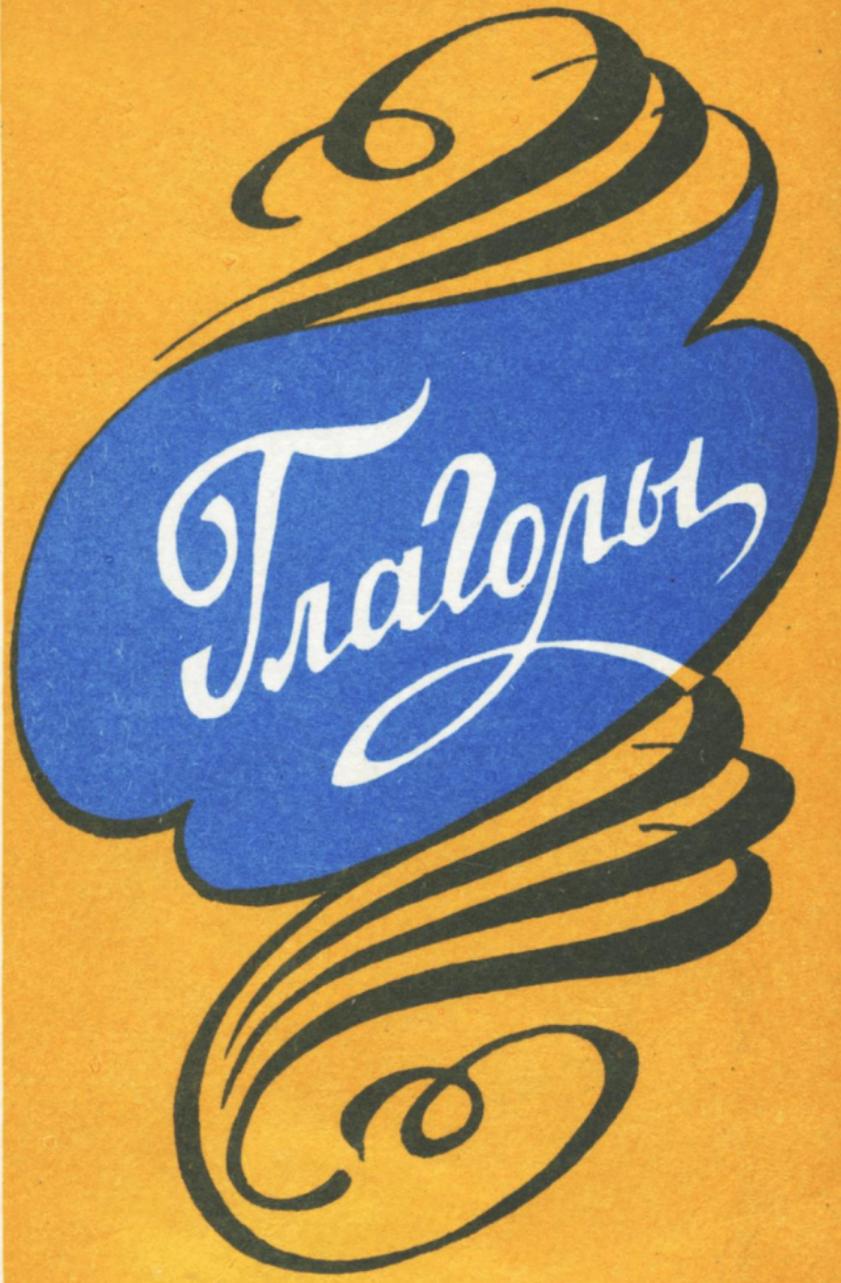

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

**ЛЕОНАРД
ЗОЛОТАРЕВ**

ГЛАГОЛЫ

СТИХИ

МП "Простор"

**Орел
1992**

ББК 84 (2Р) 6
3 81

*Книга издана
за счет средств автора*

*Спонсор – коллективное предприятие
"Александровское"*

Рецензенты:
члены Союза писателей России
В.М.Катанов, И.Д.Лободин

Художник Виталий Погорелов

3 81   **Золотарев Л.М.**
Глаголы. Стихи. — Орел,
МП "Простор", 1992, 120 с.

ББК 84 (2Р) 6

ISBN 5-88559-008-7

**© Золотарев Л.М.,
1992**

До последнего времени немногие знали, что прозаик Леонард Золотарев пишет еще и стихи. Отчасти по его скромности, а отчасти из-за определенных сил, которые препятствовали их выходу к читателю. Хотя поэты Москвы, Рязани, Курска давно признавали глубину и яркость его поэтической речи.

Леонард Золотарев связан с поэзией с детства. Когда писатель садится за очередной роман, а это требует серьезного напряжения, по его словам, “из него сначала сыплются стихи”. А уже потом, по мере уравнивания биоэнергетики, осмысленные чувства выливаются в прозу.

После II Всероссийского Есенинского праздника поэзии директор Константиновского музея Владимир Исаевич Астахов так написал на одной из фотографий, подаренных поэту-орловцу: “На память о пророческой встрече от истоков Оки до сердцевины России наследнику есенинской традиции Лене Золотареву. Это заповедная роща (есенинская), урочище Раменки — место проведения встреч поэтов России “Отговорила роща золотая...”

Борись за Оку (Окаемово), и пусть Ока течет и всегда соединяет орловские — рязанские — есенинские берега”.

Глаголом жечь сердца людей...

А.С.Пушкин.

*Роковая страна, ледяная,
Проклятáя железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?*

А.Белый.

I.

* * *

Напомни, Родина, о храме,
Дух сотворящем живой,
Когда талант уходит в камень,
А камень — в небо головой.

Напомни, Родина, о фресках,
Молящих во спасенье лиц,
Когда под купол этот дерзкий
Движенье кисти клонит ниц.

Напомни, Родина, о звуках,
Страстях, стозвонящих в стенах,
Что пели певчие по крюкам,
И тайна стынет на устах.

Сумеет ли в нее пробиться,
В ее божественную стать?
А тут хотя бы научиться
Коло-коло-коламмм внимать.

* * *

Теплыми туманами повита,
Родина — заветный уголок.
В волнах наливающего жита
Дождь и мой качает колосок.

Огляжусь — и нивы золотые
Выстелятся, звонкие, в груди.
Мама, мама! Стань-ка под святые:
Подмогни народу, уроди.

Подсоби голодную весною,
Помолись за нас и накорми.
Мы ведь, твое семечко ржаное,
Все же атеисты, черт возьми!..

Да святится имя твое,
Моя материнская Русь!
Священной просвирой ее
Какую весну уж кормлюсь.

МОЯ СЕРЕДИННАЯ

С детства помню горькой и победной.
Чем оберегала, чем своя?
Вроде испокон считалась бедной,
Нищей серединная моя.

Но сама с осколками под сердцем,
Из руин, окопной глубины,
Вытянула нас, давая хлебца,
Христа ради, сиротам войны.

Вот живу—и, нет, не наглядеться.
В удивленьи жизнь моя прошла,
Как в такое маленькое сердце
Ты вместиться, Родина, смогла?

МОЙ ГОРОД

Вот мой причал, мой дом, мой птица — город.
Я здесь живу — стрела на тетиве.
Удар крыла не раз изведал ворог
На отдаленных подступах к Москве.

И крут откос! Объять орлиный город
Взбегаю на Дворянское гнездо.
Стучи — стучи в груди, мой тяжкий молот,
Перекликайся с первой звездой.

РОДИНА

И океан над нею вспенится,
Комета ахнет в тишине,
Но никуда она не денется,
А потому что вся во мне.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Ты хранись в нас, о русская речь, —
Острый меч и испытанный щит.
Нам бы землю родную сберечь,
А уж Русь-то себя сохранит.

Сохранит землю русскую сын,
Сохранит сына русская мать.
Будем ей, молчаливой, внимать
Под гортанные скрипы осин.

Под тележный заржавленный звук,
Под кровавые просыпи рос.
Был мой дедушка великоросс,
Не согласен на малое внук.

Ты хранись в нас, о русская речь, —
Русь, Россия родимая, мать.
За нее уж пришлось в землю лечь,
За нее еще будем стоять.

ИМЯ ТВОЕ

Я долго думал, как назвать мне сына,
Событием грядущим возбужден,
Жене таская с рынка апельсины.
И вот он, сын, на белый свет рожден!

И я назвал торжественно, по-русски,
Как искони в краю моем велось,
Его глаза, весь мир его неузкий,
Высокий лоб, фамильных ширей кость.

Достоинства, какие после сыщут, —
Он, знаю, будет счастлив и красив, —
Всю жизнь его на сотню лет, на тыщу
От изначала матери Руси.

Мне это имя-от нее награда
И вера, что не будет нам конца.
“Князь Игорь”, — называла мужа Лада,
И просто “Игорь” у меня — отца.

В нем дань моя и преданность России,
К полету страсть, как у орла в крыле...
Где б ни был сын, куда б ни заносило,
А припадет к отеческой земле.

Я долго думал, как назвать мне сына,
Событием грядущим возбужден.
И вот вдвоем — теперь уже мужчины —
Одной дорогой вышли и идем.

Не на прокат, не отнят и не выменен —
Твой княжий клик вечен на Руси.
Гордись, мой сын, своим славянским именем
И имя это с гордостью неси!

ГУСЛИ ЗВОНЧАТЫЕ

Уж таким был мой дедушка-пращур!
Гусли звончатые возьмет —
Под перстами смеются и плачут,
Серебрами идут вразлет.

Перед сечей, на праздники, в будни
Дума-думушка обоймет.
Мы без звончатых — просто люди,
С ними, звончатыми, — народ.

***

На лице моем курносом
Конопатинки горят.
Кто я больше, чуть раскосый, —
Европеец, азиат?

Кто я больше, чуть скуластый,
А в седле сутуловат,
По степи любитель шастать, —
Европеец, азиат?

Кто я больше, чуть игривый,
И открыт, и плутоват,
Малость самую ленивый, —
Европеец, азиат?
Кто я больше, кто я больше,
Богу мил, аллаху рад?
С азиатинкой — под Польшей,
С европейкой — бурят.

ВЛАДИМИРСКАЯ ГОРКА

“Прощай, прощай, былая Русь —
Чернавка, меченая всеми!
И я в Днепре, и я крещусь,
Мое языческое племя.

Умойся, Русь! Омойся, Русь!
И шествуй, белая, в крестах.
С тобой молюсь, тебе молюсь
Я — князь Владимир Мономах...”

Стою под князем на горе —
Днепровской круче именной:
Пошто святую при царе
Опять же назовут “немытой”?

Выходит, Русь — родная мать,
Нас надо иногда купать?
Но не в крови, но не в крови —
В живой воде, в ее любви.

...Но дождь с пылью — Чернобыль
Пришел, коснулся и — убил.

РУСЬ

И крестили по-всякому —
По башке, по башке,
Чтоб держать непокорную
Во державной руке.

Оттого-то могильные
Оставались следы.
Голытьбе — безотцовщине,
Ой, хлебнулось беды.

Но вставала упорная,
Семижильная Русь.
Что содеяно — помнила
Наизусть, наизусть.

Про дела чьи-то грешные
Скажет вдруг на миру.
Вся засветится правдою
На кровавом пиру.

Ведь сама в лихолетия
Не имела вины...
Мать сыночка — соколика
Поджидала с войны.

Возвращался израненным,
Покалеченным пусть.
Поднималась детишками
Неизбывная Русь!

Наливалась от семени,
Тяжелила поля.
От воронок, от воронов
Очищалась замля.

Как с клюкою, родимая,
Побрела по колчам,
Так и ходит, вихляется —
Сумари по плечам.

Платье выцвело, выпрело,
Горб разверзился весь.
Стыдно, отпрыски, стыдно ведь
Хлебы бабкины есть.

Нам бы совесть бабусину,
Тот ковер-самолет...
Бабка встала, прогониста,
Бабка губы жует.

Бабка за сердце держится:
“Не кручинься, сынок.
Дай поглажу воробушка
И — за тот бугорок.

Шаг по шагу, по чуточку —
Так-то легче, двоим..."
Мать моя, Русь, ты, матушка,
Пособлю, устоим!

НОВГОРОДСКИЙ КОЛОКОЛ

Что ты есть, чем ты будешь
Через тысячу лет?
А сегодня, а завтра —
На утро, в обед?

Отвечает нам колокол,
Этот колокол-дед.
Русь святая, великая,
Мать нам тысячу лет.

Все князья, полководцы,
Повеленье руки.
Да кого хоть водили-то,
Где сыны-мужики?

Где солдаты и пахари,
Где умельцы-творцы?
Вот за что под топорики
Клали выю борцы...

И фигурами-бронзой
Загудел вековик.
Про тебя, мать Россия, —
Твой двухтысячный лик.

Чем откликнешься в мире, —
Голосяка?! А вот —
Как ударим о бронзу,
Так она и поет.

В СТЕПИ

Подсолнух клевали небесные пташки:
В макушку, в макушку его!
Князь Игорь о Ладе гадал по ромашке,
Ведь князь, насулила всего.

Бобровые рощи, медовые реки,
Младенчество древних племен.
Родная, ковыльная степь в человеке
Еще с дотатарских времен.

Легенда к легенде, ромашка к ромашке.
Медами текут по устам.
Подальше от князя, веселые пташки,
Поближе, проказницы, к нам!

ПОЛОВЕЦКИЕ КРАСКИ

Полегли, полегли молодцы,
А кругом, а кругом половцы.
Гей ты, кострище!
Греются тыщи.
Стелятся ковыли
Ветрами до земли

А в шатрах, а в шатрах — девушки.
Где вы, стены родные, вы, стенишки?
Гей ты, кострище!
Томятся тыщи.
Спрятан в платье кинжал,
Он свое полежал.
Время настанет — кровь еще грянет.

На коней, на коней, — пленницы!
По степи, по степи, — девицы!
Гей ты, кострище!
Вспыхнуло, свищет.

Ухватила коня,
Улетела, звеня,
К северу с ветром.
Гонятся — где там.

ВЕЧЕ

Похвалялись своею вольностью,
Перед теми, где дух извели.
Козыряли заплатой, как доблестью,
Пропивая свои рубли.

Видно, думалось быть веки вечные,
Вече названо так неспроста.
Дрались партии поперечные —
Тугомошные и беднота.

Спины колом друг другу гладили.
Кровью харкали на снегу.
Мировую всеобщую ладили
Тут же, прямо на берегу.

Так гремел берег Волохова вечами,
Где дела обмозговывал сход,
Нищebroдам своим обеспечивая
Выход мелких словес и свобод.

ШАПКА МОНОМАХА

Десять ей — по соболя ходили,
Сто ей — злато рыли меж долин,
Тысячу ей — бриллиант гранили,
Остальные — сканью серебрили,
Нить сучили, нитью этой шили,
Словно храм всем миром возводили.
А держал на голове один.
Глянешь — сердце упадет со страха:
Тяжела ты, шапка Мономаха!

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Крякутному

Из древней книги “яти” зрят в меня.
Нетленны вековечные скрижали.
Вот буквы со страницы убежали,
И шар качнуло в небо от огня.

Звенела крепь из бычьих пузырей.
И солнце подымалось, тужась, круче.
Шар с мужиком сорвался с якорей,
Весь дымом переполненный вонючим.

Нечистая взнесла поверх берез.
“Угодники! Куда ж вы подевались?
Прости, народ, коль провинился малость.
Земля родная, все мы твой навоз...”

И были те услышаны слова,
И треснуло пузырь о колокольню.
Мужик схватился за “язык” сперва,
А уж оттуда плюнул на жаровню.

И благовест, сойдя, поплыл окрест.
Текли миряне на сенную площадь.
“И как туда втащило эти мощи?
Целуй же, грешник, христианский крест!”

Хотели сжечь, да бог ему спаситель.
Ну что возьмешь с такого дурака?
Они не знали, что к нему в обитель,
В дыру на крыше /в душу, извините/,
Всю жизнь глядели звезды с потолка.

НА ДЕВЯТИ ХОЛМАХ

/Болхов/

Весь деревянный, храмовый, трезвонный, —
Его не раз дотла стирал огонь.
Сакмой привычной, степью опьяненный
Табунный набегал монгольский конь.

И вот опять слились людские реки
И воды Нугря выпили до дна.
Разъял великий хан тугие веки:
“Где этот град, ну, дикая страна!

Где крепость с валом, ни стены, ни улиц.
Он провалился, что ли, этот град?”
И меч воткнул, и дали содрогнулись
И, гулкие, ударили в набат.

Гудел, громада, колокол зарытый
Из-под горы, где Оптин монастырь.
На зов его сбегался люд сердитый.
В одной — коса, в другой руке — псалтырь.

Земля, двоясь, холмилась под ногами.
Взмолился хан: “О, небо! О, алла!
Тут заодно с шайтаном каждый камень.
Лети-лети назад, моя стрела!”

И дал отбой. И каркали вороны,
Что в этот раз поживу увели.
А звоны жили, к богу звали звоны
И подымали град из-под земли.

...Пока колокола во глубине,
Земля всегда на нашей стороне.

САТРАП

Сатрап дурачил мудреца:
— Отлей от целого яйца...
Вот! У начала нет конца.
— О, хан! Зачем искать яйцо,
Когда перед тобой лицо?
Открой и ты, великий, мне,
Как, не нарушив форму эту,
Проникла жизнь в нее извне?
— Молчи! Ты молишься не мне,
А только моему портрету...
И показал на палача
С мечом у царского плеча.

ИВАН КАЛИТА

Всю жизнь собирал князь московский деньжонки.
Весь век крохоборил — в мешок их, в поддон.
Потом, от греха, поцелует иконки
И, глядь, в Золотую Орду на поклон.

Червонец с торговли, рублишко со смерда,
Копейка с лохмотьев, алтын на крови.
Слова ему в спину: “Русь-матушку предал!”
Все сдюжишь, все стерпишь, дави не дави.

Получит ярлык на княженье и снова
Пройдется с мешком по “дымам”, — хорошо!
Шепнет лишь, а это для дела святого...
Крест съмешь последний, а как же еще?

Последний семишник, последнюю гривну.
Кусок от себя оторвешь, недоешь.
А он от жены утаит половину,
В казне залатает державную брешь.

От глаза в сторонке прикупит землицы,
Княжат густопсовых приблизит деньгой.
И вот до Орды протянулись границы,

От глаза в сторонке прикупит землицы,
Княжат густопсовых приблизит деньгой.
И вот до Орды протянулись границы,
И хану уж надо считаться с Москвой.

Известно, какая сегодня погода:
И дождь бесконечен, и все суета.
И как тут не вспомнится щедрость народа
И наш собиратель Иван Калита.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Они сшлись на поле — рать и тать,
Святое дело и глухая сила.
Конь Пересвета бел, как с горя мать.
Конь Челубея черен, как могила.

Перед рядами шлемой и кольчуг.
Перед ордой и тут, перед дружиной,
Кто из двоих сейчас испустит дух?
Кто на коне, кто под конем, — ражина!

И пали оба — витязь и батыр,
Полынь едва над ними покачнулась.
По лисьим шапкам сыпалась в такыр
Вся косоглазость и широкоскулость.

Мамай прошел, Мамай ушел, и нет —
Побитый хан, ничтожество-воитель.
И кляли тех, что жаждали побед.
И кланялись тому, кто победитель.

КРАСИВАЯ МЕЧА

Мамай стремился с поля Куликова.
Погоня настигала, горяча.
И конь засекался насмерть о подкову,
И сорвалась красивая меча.

По спинам, по головушкам, по шеям
И походил же ею грозный хан.
Она служила всем его затеям:
Пролитью крови, покоренью стран.

И русич конный /пика так и пляшет/
Мечу поднял и поиграл слегка:
“Какой клинок! А будет еще краше”.
И кинул вдаль, и хлынула река.

И, пожелав с жары охолодиться,
Воды испить нагнулись бунчуки...
С тех самых пор здесь ворон не кружится,
Не забегает зверь в солончаки.

И где булат багрянел в Диком поле,
Откуда наседала саранча,
Из наших мест по волюшке — по воле
Течет в моря Красивая Меча.

ТОЛМАЧ

Кривой толмач кричал указ:
— Ребят, что выше колеса, убить!
Оставить тех, что ниже!
Чтоб долго Русь не смела нас
С мест этих теплых выжить.

Когда толмач читал указ,
Стрела уже летела в глаз...
И выше встали мы колес:
Росли от материнских слез.

ВОРОТА ТАМЕРЛАНА

Куснули бампер зубы великана.
Катись, автобус, дальше — не Батый!
Лежат в гробнице мощи Тамерлана.
И дервиш зырит — верный страж святынь.

Хромой старик! Ворота Тамерлана!
Вы пропустили. От лица земли —
“Зачем?” — я спрашиваю, и имею право, —
Потомок тех, к кому они прошли.

СОЛДАТСКАЯ ТРАВА

В некотором царстве, где ценилась
Алебарда больше, чем слова,
У казармы в мае появилась
На пригорке топкая трава.
Стер солдат натруженную ногу,
Наложил на рану лист и рад:
Верно, лечит!.. Запасал помногу
Хлеб оставит, а возьмет в дорогу
Травки этой ветеран-солдат.

Раз-два, взяли,
Дружно поддержали,
Песню озорную завели.
Перевернулись, встали,
Ногу подравняли
И опять, служивые, пошли.

И однажды к месту грозной сечи
Подошли усталые полки.
Разложили лекари под вечер
Трав сушеных целые венки.
Всю ее истратили на раны,
Взять бы им побольше той травы.

Глянули, а в придорожье, странно,
Сколько ее, милой, — все поляны.
Дон что тихий уголок Москвы.

Раз-два, взяли,
Дружно поддержали,
Песню озорную завели.
Перевернулись, встали,
Ногу подравняли
И опять, служивые, пошли.

И назвали траву подорожник,
Этот лапоть — штырь колосовой.
И теперь ступали осторожно
По траве степной и луговой.
... С той поры по путникам и ходит
Мудрая и добрая молва:
Подорожник вечно при народе —
От гадюк, от ран, от рака вроде,
Ратная, солдатская трава.

МИКУЛА

/бывальщина/

Времена седые и недавние.
Каждое возникнет, колыхнется.
Слушаешь бывальщины забавные —
Глядь, бывшее с думами сольется.

Для меня он, словно эхо длинный, —
Сын крестьянский, сеятель Микула.
С тучу ростом, богатырь былинный,
Выпирает из земного гула.

Пашет он и сеет землю-старницу,
Но на поле двигается сеча.
Левой он на сошку опирается,
Правой — злему ворогу навстречу.

Как привстанет, ахнет грузной палицей,
Как в шелом приладит, в темя-темечко:
“Будешь, нечисть, на чужое зариться?!”
И уйдет назад, как в землю семечко.

Так не раз, лишь вздрогни под вражиною
Степь, что пашет сеятель Микула,
Он вставал один и со дружиною
Супротив разбойного разгула.

Всех встречала, провожала палица.
Походила, погуляла силушка.
Вот она Микулами и славится,
Мать моя, земля родная, милушка.

...Времена седые и недавние.
Огонек. Пурга в окошко бьется.
Слушаешь бывальщины забавные —
Глядь, Микула в сердце ворохнется.

ПО ВЛАДИМИРКЕ

“В Сибирь его, в ссылку, злодея!
Терпи за язык, вольнодум!”
С пинками под задницу, в шею
Бредет протопоп Аввакум.

За ним — Марковна, протопопица.
Без нее ведь уйдет — не воротится.

Как странен голос. Улови,

Им на помощь исстари
гнали прочих высланных.
Не ударишься в бега —
это Север, снег, пурга.
А сбежишь южней, на юг, —
за кадык да и на крюк.
На костер, на дыбу —
вялить, словно рыбу.
Присмирели много —
верить стали в бога.
И заметили: в округе
климат мягче, чем на юге.
Если тут пахать за двух,
на хрена нам этот юг.
Развели, земельке рады,
лук, картошку у ограды.
Сеяли расстриги
по стене булыги.
Во какие, черти!
Тяжелее смерти.
Размахнулся вкось и вширь
Соловецкий монастырь.
Приходили новые
да на все готовое.
Старые монахи —
воры, вертопрахи,
Уж седые, пегие,
все — за привилегии.
Новых, коли дураки, —
в землю глубже, в Соловки.
Вот костыми и высились,
на кладбище высеясь.
Соловецкая зима —
во все стороны тюрьма.
Раем был, а стал пустырь —
всех подвел под монастырь.

ЛАДЬЯ

Стоит в ладье тверич над Волгой —
Великой русской рекой.
Она ведь увела надолго,
Она и привела домой.

Бывало, в пряном зное Индий,
Где с их купцом не будь скупцом,
Дыханье с Волги холодило
Ему каленое лицо.

Не подпускало чудо-птицу,
Какая искушает плоть.
Не позволяло днем лениться,
А ночью тьме перебороть.

...Ходите, плавайте, летите —
Крутитесь на земном кругу!
Но знайте отчую обитель,
Свою ладью на берегу.

ЗЛАТОКИПЯЩАЯ

Еще глотает кочи именитые
Морская хлябь, заторы - упыри.
Еще ведут, отпетые и битые,
Сюда сынов отцы - поводыри.

Еще сшивают в песню древодеи
Искусный храм без одного гвоздя.
А торг гремит! Гульба на Мангазее!
Собольи шубы пухнут от дождя.

В морщинах водных движутся к посадку
Со свежей олениной челноки.
Уж кто-то там стремится булат в засаду
И узким глазом вертит вдоль реки.

Река, что ключ от тундры-ворожей.
Пытай себя в неведомом краю.
Дай счастья своим детям, Мангазея,
Во всю Сибирь великую твою!

Такая ширь! Какие клали силы,
Чтоб все это постигнуть и объять!
Сюда, к свободе, из глубин России
Катилась человеческая рать.

На Карском море вымерло селенье,
Над Черным морем выцвела звезда.
Сегодня извлекаем из забвенья
Построенные прежде города.

И, возводя опять, живородящая,
Пошто скликаешь нас со всей страны
Ты, Мангазея, ты, златокипящая, —
Утраченное чудо старины?

МАЛАХОВ КУРГАН

Служил Толстой на батарее.
Ну, бравый, кажется, редут!
А цепи ближе, цепи злее.
Вот-вот на бруствер набегут.

А им навстречу под землю —
Сторожкий шорох, чуткий стук.
Солдатики, как потурои,
Грызут гранит земных наук.

По камешку, по порошинке
Таскают в кожаных мешках.
Вели в миру — и половинки
Не совершили бы во страх,

А тут на совесть, за Россию.
Чего не вынесет солдат,
Когда один ответ на силу;
Ни шагу, некуда назад!

И вот внизу, перед курганом,
Рванув, смешало все с землей:
“Уррра-а-а!”... Вздохнул в мундире рваном
Слегка сутулый “потурой”.

Когда герои-генералы
Раскрепостятся на момент,
Мне слышен вздох, тот виден малый,
Солдатик, от войны усталый,
Его крестьянский инструмент.

ДЕРЕВЯННЫЕ КРУЖЕВА

В землю врос он — бревенчатый, низкий.
Повидал, видно, свадеб и слез.
Без заслуг /вне охранного списка/
Утвердили домишко на снос.

Подогнали к крыльцу бульдозер —
Задрожал, застонал каждый лист.
Как присох, краснощек на морозе,
Ясноглазый бульдозерист.

Что конек, что карниз, что дверцы —
Деревянные кружева.
— Что ж мы делаем, братцы, черти!
Вещь музейную на дрова?!

Замолчали стальные кони,
Паренек на крыльцо шагнул.
И держал, как занозу в ладони,
Чей-то маленький детский стул.

ЯМСКАЯ

На окраине обычно,
Из деревни на пути,
Очень часто и привычно
Ни проехать, ни пройти.

Соберутся дети к маме.
— Отчего зовут Ямской?
— Потому что яма к яме.
Профиль насыпи такой.

И уже совсем забыто,
Как скакали по столбам,
Как простых и именитых
Привечал почтовый ям.

Ям же станция такая —
Пей до поту, кости парь.
До сих пор зовут Ямская,
Ухо русское лаская.
А дорога, как и встарь.

НА ТУРГЕНЕВСКОМ БЕРЕЖКЕ

Под огнями, у старого клена,
Вечность плотно вмещается в миг.
Переходят под светом зеленым
Души жившие в души живых.

КАМЕНЬ НА ОКЕ

И.С.Тургеневу

Калужские крестьяне-мужики
/Умельцами их величают ныне/
Тесали эти плиты-лежаки,
Мелькая тут, в лабрадорите синем.

Работа, как известно, нелегка.
Мозолями утесы истесали.
Тесали люди камень навека,
Как летопись нетленную писали.

Судили в перекуры мужики
И крепостное право, и свободы.
И цепенели берега Оки,
Как было и как будет через годы.

— Хоть и из бар, а к людям всей душой.
— Кому-то не хорош был в той трясине.
— Лишь здесь, в Орле, он места не нашел,
Хоть прошагал в портретах по России.

Нет, не они, отцы родного града,
Воздвигли этот камень у Оки, —
Те, за кого кипела в нем досада,
Народные умельцы, мужики.

Тесала камень крепкая рука.
Мерцала мысль в лабрадорите синем.
И он глядит, как в зеркале Ока
Любуется каштанами России.

* * *

Вечерний город. Голос странный.
Как много-много лет назад.
И губы так же неустанны,
И лики так же ворожат.

Вот парк, вот берег, ветки хлещут.
Вот это место, этот дом.
Еще свеча за Ней трепещет,
Там, за оставленным окном.

Здесь тайна все, я тайны жажду.
Иду в Михайловском, а мне
В аллее Анны бросит каждый,
Что липы знать должны одне.

И листья — в шелест, в шорох, в ропот,
В изнеможение певца.
Мне выдох тот — твой близкий шепот,
Твое лицо — с того лица.

...Торжок. Сосна на погребень.
Метель тех слов не заметет.
“Я помню чудное мгновенье”.
Она жила. И Он живет.

ТАГИНЯНКА

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
А.С.Пушкин.*

Исток Оки, где берег камышовый.
Седой курган, окутанный в туман.
Над ними — Александра Чернышова,
По мужу Муравьева, из дворян.

Возок жандарма. Имя в черном списке.
Увозят мужа в мрачный Петербург.
И кто она отныне, декабристка?
И кто враги, и кто остался друг?

Не жег мороз сквозь тоненькое платье.
Качало ветром дремлющую ширь.
“Да, решено! Туда за мужем, к братьям!
Из Тагино на каторгу, в Сибирь!”

— Лишиться вы дворянства, состоянья...
— Да, я готова. — Имени, детей...
— Готова я. — В Сибири — расстанья.
Там холода, да стоит ли злодей!!

— Он муж мне, мы повенчаны навечно.
И пусть меня отринет высший свет,
Новот он, путь мой, — скорбный, звездный, Млечный.
И я иду...
А вел ее поэт.

И пала ниц к цепям, железам этим,
И освятилась вся Россия — Русь.
...Как на нее молились в копиях где-то,
Так я на эту женщину молюсь.

И коль Ока несет все те же воды,
Сухой камыш все так же шелестит,
В любую ночь за мой глоток свободы
Есть женщина, которая не спит.

ГЛАЗАСТАЯ МАДОННА

Они стояли перед ней в музее —
Два мужика, два брата-крепыша.
Все обежали, все переглазели,
А тут застыли, смотрят не дыша.

“Вот это да! Желанная! Вот эта!”
И вдруг, как бы из прожитых веков,
Она сошла к ним с тусклого багета.
Идет, тревожит, мучит мужиков.

“Да кто ж ее нарисовал такую?
Глазастая, с ребеночком, в венке...”
Идет она и поднятой рукою
Всю душу обрывает в мужике.

Летит душа, плывет под облаками.
Когда б узнал, что есть она, жива?
“Все, как волю, телегу тащим сами,
Везем свой воз, судьба уж такова...”
И вдруг один, оторопев от дива,
Шагнул, чтоб не слепил мадонну свет:
— Послушай, ведь она же не красива!
— Все может быть, — другой ответил живо. —
Зато прекрасна! И прекрасней — нет!!

“ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ”

Собрались двенадцать апостолов.
Все святы, но кто же предатель?
Стучат кулачишками по столу,
Куда только смотрит Создатель.

Вздохнул убеленный Учитель:
“У совести все мы в долгу.
Змею /да не скроет обитель/
Ищите вы в вашем кругу”.

Повисло глухое молчанье.
Косились. Кипело все. Жгло.
Сказал Леонардо печально:
“Само назови себя, Зло!

Рассядьтесь, все честные, по столу.
А веру предавший уйди..."
Сидят все двенадцать апостолов,
И все у святых впереди.

ЕГИПЕТСКИЕ ПИРАМИДЫ

Сквозь время, из мрака Аида,
Как вечная память о нем,
Египетские пирамиды
В нас целят сюда острием.

Вершины щербаты, чеканны.
И вижу: упала роса —
Все катят рабы свои камни
На самую высь, в небеса.

Под кнут и под пряник, из линий
/Расчет повелителя прост/
Вздымают на нильской равнине
Земную соперницу звезд.

"Сойдется звезда со звездой —
К богам вознесется Хеопс", —
Так раб, свои силы утроив,
Последнюю речь произнес.

Безвестный, умрет на рассвете,
Грудь глыбой раздроблена.
Зачем же он врет, кто ответит?
Богам его ложь не нужна.

Он — раб. Он привык так. Он смертен.
И вспыхнуло в дерзкой груди:
Он жив еще, боги и черти!
Судьба его вся впереди!

И, грешный, как бы перед плахой,
Глазами на Север глядит,
Предчувствуя с болью и страхом
Явленье таких пирамид.

А рядом принильские плавни.
Босыми ногами суча,
Все катят рабы свои камни
По тонкому жалу меча.

Вколочены в тяжкие тонны
Дух бури, бунтарство идей.
Вот так-то жрецы-фараоны
Степных объезжают коней.

Вот так обрекают пустыни
На их циклопический сон.
Премудростью веса и линий
Сведя к равновесию трон.

В подлунно-магический камень
Энергию сбросив. И вот —
Пустая громада над нами
Со множеством всяких пустот.

Рассвет надвигается, тонет.
“Проклятье!” — раб небу хрипит.
И умер он с кровью в ладонях
У нижних венцов пирамид.

А по небу “Боинг” несется,
Космический мчится корабль —
Все боги над храмом Хеопса,
Каких и не видывал раб.

Все тени из мрака Аида,
Все тонны — весомость идей,
Египетские пирамиды
На нежной груди у людей.

САРМАТЫ

Сарматы кочевали по степям —
Сыны ветров нечесаны, лохматы.
Гоняли дроф, копытили бурьян,
Пасли коней, — на то они сарматы.

Сидели вечерами у костра.
Огонь им красил бронзовые лица.
И мысль была упруга и густа,
Как молоко в жеребой кобылице.

Там — за степями — холод, злоба, тьма.
Все плохо, что сармату не понятно.
А где-то уже строили дома,
Трубу вели на солнечные пятна.

А где-то возвеличивали трон,
Кого-то фараонами венчали.
И подданные, тужась испокон,
Златые троны спинами качали.

А тут шумел-тревожил синий лес.
В нем, топком, племя русских и бесстрашных.
Не боги, не сошедшие с небес,
Но верят в солнце, пашут свои пашни.

Крепки, как кречет. Кратки, как скакун.
Такого близко видеть лучше мертвым.
Сидит сармат — нетесаный валун,
Седой курган, задумчивый и гордый,

Весь свой ковыльный озирает путь.
Горел костер. Варились жеребята.
Сармат ладони жирные о грудь
Отер, вздохнул — на то они сарматы.

Дрожала степь от криков и телег.
Жила, жестоким полымем объята.
Ему свое казалось лучше всех,
И только пыль осталась от сармата.

И лишь курган. В кургане грозный трон,
Охранное оружие из стали.
И, мертвый, правил мумиями он,
Пока живые прах не раскопали.

Потом, как в лик, уставясь в свой чурбан,
Вновь над курганом возведут курган.
И, хоть отковылились ковыли,
Сарматами все тянет из земли.
Все тени кровь кипучую тревожат,
То бросят вскачь, то тут же и стреножат.

ВЯТИЧИ

Как от молнии вздрогнет, очистится сердце, —
Упадет в людях слово, аж пыль зазвенит
Где-нибудь в электричке, автобусе сельском, —
И всего откровеньем тебя озарит.

Языкаст мужичишка, язычник с рожденья.
Непритоптанной речью возвысится вдруг.
Тут жуешь, как с ножа. Тут живешь с его тени.
Он мне Вятко, он вятич, соратник и друг.

Оба вятчи мы, оба древнего рода,
С побережий Оки, их языческий грех.
И в обоих хранима кровинка народа,
Что кострища свои сберегал дольше всех.

И, когда на коне, очеканенный, мерный,
Киев стольный явился с мечом и крестом,
Он цеплялся, мой край, за обломки той веры,
Что была рождена не на месте пустом.

И приходит весна. И играют веснянки.
Вновь по душу живую гремит соловей.
Соловей, соловейко! Сиж у дуплянки,
Под могучую песнь поджидаю людей.

Я иду с ними в ногу по вещей дороге.
Я глстаю слова из травы, из огня.
Помогите же мне, наши первые боги,
От беспамятства дней оградите меня.

Проведите, промерьте широкою степью,
По Руси молодой расстелите платком.
Расстелюсь, обновлюсь этой великолепью
И уйду, и уйду далеко-далеко.

Вот с родней и роднюсь, что забыть не сумели
Свое древо, пракорень в заветном краю.
Соловей из лесной, из разбойной артели,
Мой языческий дух, — грянь октаву свою!

“СЛОВО О ПОЛКУ...”

Язычник я, во мне такая вера.
Не та, что укрощала нас потом,
А та, что, ярясь, дикая, горела
Во всем славянском облике моем.

Я небо пел, я поклонялся травам.
Врагам открыто слал: “Иду на вы!”
Моя единокровная держава
Была по мне дороже головы.

Я славил Русь, ее прямые речи,
Свой дух сверял со “Словом о полку...”
Зачем же врать, дни кратки человечьи,
А мы всего видали навеку.

А “Слово” в каждом пробуждало силы,
Из нас великий делало народ.
Стоять стеной, выстаивать учило
Под натиском разноплеменных орд.

А “Слово” с каждым было откровенно,
Вон князь и тот в час гибельный не врет.
Звезда-полынь, пророчество из тлена,
Она висит и смертью отдает...

И вот, века от пыли отряхая,
Себя я числю в родословной той,
В своем полку, пусть, может быть, и с краю,
Но веры очистительной одной.

ВЕЛИКАЯ СМУТА

Накатила великая смута.
Русь, как в пьянке, привстать не могла.
Карты путал Скуратов Малюта:
Не понять, где какая легла.

Выясняли, какого кто рода.
Кто наш царь, с кем царит навышу?
Только я никуда от народа,
Вместе каюсь и вместе грешу.

И опять же великая смута!
Русь к последней черте подошла.
Все валюта, валюта, валюта.
Отдирают от решки орла.

Выясняют, какого кто рода.
Кто в шалаш, кто зовет к палашу.
Только я никуда от народа,
За черту уходить не спешу.

* * *

Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.

Моя изба-старушка,
По стенке — повитель.
Считает дни кукушка,
А ночи — коростель.

Гнездо над головою,
Трава у моих ног.
Глаза едва закрою —
Слуга себе и бог.

Такой же изначальный
Ровесник всей земле.
То тихий и печальный,
То чуть навеселе.

Раскатываю громы,
Поля водой пою.
Бывает, агрономы
Придут в избу мою:

“Ну как живешь, Михалыч,
Как дышится тебе?
Чего там напахали
Плугами по судьбе?

Откуда всяких мошек
Над нами целый рой?
Куда людей хороших
Уносит стороной?

Какие синь-туманы
Полощут край земли,
Покуда сны-обманы
Мерещатся вдали?

И как все эти дали
Меняет влажный фронт?
Чего мы напахали
По самый горизонт?..”

Сижу и стол качаю,
Слова кручу-верчу.
И ливнем отвечаю,
И молнией мечу.

И от раздумий жгучих
Всего бросает жар.
Под яблонью могучей
Клокочет самовар.

Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.

ЧЕРТОВ ПАЛЕЦ

Вот чертов палец! Есть поверье:
Из жилы вон — рванет река.
Так и родилось заозерье
Из мохового родника.

Когда за тучей бродят тучи,
Луг заболотило слегка,
Возьму заткну — на всякий случай —
Тем пальцем горло гремяка.

И солнце жарит, поле стонет.
Мне агроном в такие дни:
“Дождечка б, а? Ну че там стоит,
Ты только пальцем шевельни”.

И шевелю. Стою под кручей —
Гремит гремяк на зелена.
А уж Дажьбог сидит на туче
И палкой целится в меня.

II.

ДЕРЕВУШКА

Деревня уснула. И спит, как ребенок.
А речкой крадется тумана змея.
Лежу на копешке, тревожусь с потемок,
Проснется иль нет деревушка моя.

Луну укололи могучие елки,
Луга стали топки, сиренев туман,
Сижу на копешке и кажется тонким
Платок по-над лесом — немерян, неткан.

Вот если бы солнце туманы раздело,
Да встанет ли с зорькой, чего его ждать.
Съезжаю с копешки, пора и за дело:
Косой по росе — хорошо помахать!

ВИШНЕВАЯ ЗВЕЗДА

Взойдет звезда над выгнутою синью —
Морозная, ядреная, видна
На весь окрест, на всю мою Россию,
Хотя, конечно, в небе не одна.

И, отблеск свой другим передавая,
Снегам страны, что стынют в глубине,
Она горит, звезда передовая,
В чернилах ночи говоря о дне.

И чем мороз белее белит крыши,
Чем крепче, сизый, за сердце берет,
Тем и она, вишневая, все выше —
Над миром размыкает небосвод.

ХРУПКОЕ СВЕТИЛО

А годы и раннее, и туже.
За горло держит, кажется, любой.
Любимая! Когда весь мир настужен,
Мне так тепло, мне хорошо с тобой...

Нас продержали столько в черном теле,
Как говорят, последствия войны.
Хотя за все разрухи и потери
На нас, детишках, не было вины.

Мы недоели, нас недолюбили.
Закон гласил, закон всегда хорош.
За колосок, мной поднятый из пыли,
И до сих пор меня бросает в дрожь.

А сколько мальчишки недожили!
Давили нас рвачи и подлецы,
И заступались дядечки чужие,
А лучше бы погибшие отцы.

А лучше бы те самые, которым
Судьбу сломали на урок другим.
А мы никак о правде недоспорим,
Не перестроим, не перекроим...

И вот иду размытою дорогой —
Вдали от детства, от войны вблизи.
Когда б не ты, не Родина, ей-богу,
Так бы и сгинул где-нибудь в грязи.

Ты красишь осень, хрупкое светило,
И ливням красок осени не смуть.
Не говори, что между нами было,
Скажи, чему еще меж нами быть.

***

Слово горячее, слово живое.
Поговори — умоляю, молю!
Первое вечно и вечно второе
Это прекрасное слово “люблю”.

Белые розы, вечерние розы.
Полуобнял ее — значит, успех.
А по плечам — все касанье березы,
А по щеке — все дыханье и смех.

А по ладони — дорога с тобою,
А на дороге — пиковый валет.
Кабы оно, это солнце кривое,
Не закатилось сегодня в обед.

***

Ты пойдешь со мной на край земли,
К краю света, милая, пойдешь,
Если сжечь придется корабли —
Все, чем дорожила, чем живешь?

К краю жизни ты пойдешь со мной,
Чтоб вдвоем идти, идти, идти,
Если — изуверенный, больной —
Выбьюсь к цели при конце пути?

Сквозь огни и воды, на беду
Ты пойдешь, страшась и замирая,
Славная, любимая, седая?
Выдохнула Лада мне: “Иду”.

***

Еще в пути, еще на теплом юге
Душа весны, солисты — соловьи.
А тут в Орле еще возможны выюги,
Две льдинки холодят глаза твои.

Но дай рванет березовую почку,
Дай в зелени заплещет соловей,
Я так собой согрею эту строчку,
Что ты истаешь, тоненькая, в ней.

ПОДСНЕЖНИК

Цветы голубые пылали на белом,
Вытаивал лунками снег.
А зимник держался, весь заледенелый,
И сдерживал ропоты рек.

Вдруг сани навстречу. Охалка соломы.
В лицо мне: “Эге-геге-гей!!”
И брызнули острые чертики-гномы,
Глаза из-под тонких бровей.

Мне ты и подснежник, как холод и пламя,
На сломе красот и времен.
Зима уходяща, весна — мое знамя,
И ты, голубая, на нем.

МАРТ СИНЕГЛАЗЫЙ

Март синеглазый, ручьистый ворчун,
Хлынул дождем в отворенные сенцы.
Лось жадным зубом ракиту качнул —
Брызнуло холодом с почки на сердце.

Если опять синеглазый ворчун
Хлынет дождем в отворенные сенцы,
Там, где сохатый ракиту качнул,
Брызнет на почку с горячего сердца.

***

Отзвенели первые капли,
Уходили мартовские дни.
Но ведь что-то высказать успели,
Изменили что-то в нас они.

День такой пронзительный, весенний —
Сокрушит, издегает любя.
Ты — мне приносила воскресенье,
Я — теперь спасенье для тебя.

***

Не зови, не говори “прощай”,
В полщеки укрыта от пурги.
Пол-любви своей не обещай,
Хоть сейчас перед собой не лги.

Стежку между нами замечает,
А тебе, конечно, все равно.
С клена лист, примерзнув, не слетает:
На двоих не делится одно.

***

Сыплет снегами зима белоснежная,
Тонут в снегах города.
Милая-милая, нежная-нежная,
Кто ты? Откуда? Куда?

Мне тебя, славная дочка Снегурочки,
Страшно коснуться рукой.
Вдруг ты исчезнешь, сверкнешь в закоулочке,
К речке умчишься водой.

Разом померкнет очарование
Улиц, рябин, площадей.
Нас не похвалит за это свидание
Дедушка твой Берендей.

* * *

Между нами таинственность комнат
И холодный искусственный свет.
Почему-то, когда тебя помнят,
Говорят, что тебя как бы нет.

Мы смеемся, а хочется плакать.
Бредим суммой, а носим суму.
Пьем за дружбу, с кем надо бы в драку.
Почему? Почему? Почему?..

Шторка к шторке. Зеленая муха
На столе завертелась, поет.
Глаз прищуришь — за шторкою глухо.
И никто ни к кому не придет.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Все было так же. Август на излете.
Ты создана, казалось, для полотен.
И вот стоим, придвинулись, упруги:
Что мы нашли хорошего друг в друге?
Какими нас мотало по округе,
Водило без руля и без ветрил?
Кем стала ты, ведь я тебя любил.

СИНЕЕ И ЗЕЛЕНОЕ

В зеленых глазах вьются синие птицы,
В зеленом и солнце встает.
Но я ничему не могу удивиться,
Когда ты со мной или это все снится,
Все синию птицей плывет.

Любовь у меня без конца, без начала,
Как будет, как есть и была.
Я все говорил бы, а ты бы молчала,
Губами молила, глазами кричала,
Куда ты меня завела!!

В ПАРКЕ

Ветви ивы тянет по теченью,
Спит, зеленокудрая, в тени.
Отдаюсь подлунному свеченью,
И минуты, как часы и дни.

Бьет фонтан вблизи плакучей ивы.
Я гляжу и думаю одно:
То ль от нас все это так красиво,
То ль без нас красивее оно?

На реке от белого свеченья
Призрачны и люди, и года.
Вот они ложатся на теченье,
И несет их легкая вода.

НОЧИ БЕССОННЫЕ

Не из шепота слов родилась.

А.Блок

Не из шепота слов, не из дня —
Из молчания ночи взялась.
Обняла, захватила меня,
В темноте не дала мне пропасть.

Приходи, приходи, приходи
Из цветных телевизорных снов.
Пусть крошечная ночь впереди,
Лишь бы вдруг засинело окно.

Лишь бы утром увидеть коня
И арбузу стекать по губам...
Лишь бы ты все любила меня, —
Я тебя никому не отдам.

МУЗЫКА

И снова не могу уснуть,
Я обречен на эти муки.
Взрывают мир, терзают грудь
Неуправляемые звуки.

Какофонической ночью
Кошмары, ужасы и страх.
И вдруг — мелодия воочию,
Альты, оркестр, как “штрифель” сочный,
И ариозо на устах.

О музыка! В твоей я власти.
Прочь, диссонанс, ко всем чертям!
Не то любовь, что рвет на части,
А то, что, пробуждая страсти,
Соединяет по частям.

* * *

Тамаре Синявской

Во влажном блеске черных глаз
Ночные молнии метались,
И звуки в звуках отражались,
Рояль магический не гас.

Виолончельная струна
То замирала в сне блаженном.
То заострялась в боль земли.
Так золотым смычком вели
По инструментам совершенным.

Как странен голос. Улови,
Какие в нем рождаются страсти.
То поднимают нас до счастья,
То опускают до любви.

НА ПЕРРОНЕ

Твоя рука опять в моей руке.
И мы вдвоем, мы — островок в реке.
Какое счастье! За спиною грозы.
Мир выстрадан, мы не сошли с тропы.
Глядите, вы! Как мотыльки на розы
Летят в себе, одолевая слезы,
А все ж идут на острые шипы,
Идут на розы!

***

Вызвездило тканевое небо.
Вечер стынет, розов и пахуч.
Через поле, через волны хлеба
По лицу скользнул последний луч.

Влага закачалась на реснице,
Потемнели чистые глаза...
Женщина! Мне надо повиниться,
Мне острее ножа твоя слеза.

Знаю, что не может быть прощенья.
Но вернемся, милая, назад.
Кто сказал, что слезы — очищенье?
В них — озон, когда гремит гроза!

* * *

Вечер в звуках. Луной притуманен.
Скрипуны шевелятся, растут.
Окликаю — и гриб-россиянин
Из травы мне мигает: я тут!

Ты — богиня, икона, иконка,
Под которой лампада горит.
Конь заржал за оврагами. Звонко
Отозвался другой у раakit.

А полынь осветляется дальняя.
И по балкам, где пепелен лес,
Ночь глядит, приутихшая, славная,
Миллионом лампадок с небес.

* * *

Хороша, бездонна ночка лунная!
В чем — загадка, где — разгадке ключ?
Рожь вздыхает, шепчет, тонкорунная.
Хлеб в округе счастлив и могуч.

Мы с тобой ломаем под кустами
Влажные, холодные грибы.
До утра влюбляться не устанем,
Губы не туги и не слабы.

Вихрь из-за кладбища налетает,
Выпала ромашка из косы.
Что с того, что кто-то наблюдает
Эти наши звездные часы.

* * *

Этот пруд пролил тебе когда-то
Два наперстка сини на глаза.
Оттого-то возле переката
Выгнулась ресницами лоза.

Под луной засеребрился вечер,
Два наперстка вытемнить не в мочь.
Словно шаль, возьму тебе на плечи
Да накину шелковую ночь.

Увлеку к забытому проселку,
За деревню, где аэродром.
Унесу в поля, как перепелку,
Уложу на копны за бугром...

Не с того ли примечаю сходства
У тебя с родною стороной,
Что живу, врастаю каждый год свой
В край мой конопляный и ржаной.

* * *

Где твои белокурые косы?
Вместо них завитки, завитки.
По лугам отзвенели покосы —
Уж отава по грудь у Оки...

Было ль все это? Дивные дива.
Вспоминаю июльскую, ту.
Как они, твои русы, игриво
Из-под ножниц легли на фату.

Ты без них вся какая-то птичья,
Сток на скошенной пойме реки.
Раньше только касался косичек,
А теперь всю ладонь в завитки...

Ветер сыплет алмазные росы.
Что упущено — не наверстать.
Вот и кружатся в памяти косы,
На пол падает прежняя прядь.

НА ТРОИЦУ

Пруд в лесу. Лесникова избушка.
И какие же юные сны!
За поляной турлычет лягушка
Под ольховую проседь весны.

От зеленых кларнетов отвыкли
Даже — стыдно сказать — в деревнях.
Стали эти лягушки реликтами,
Право, водятся лишь в копанях.

Замани же, лесная опушка,
И в кларнеты возьми, заманя!
Нежно в копани стонет лягушка
И до слез зашибает меня.

Обнимал холодную подушку,
Поверял горячие слова.
За стеной судачили лягушки,
И плыла, как в лодке, голова.

Есть, наверно, счастья на полушку,
Дышится свободно на заре.
А всего-то жаркая подушка.
Да июнь - красавец во дворе.

А всего-то брошенные дачи,
В липах дом, похожий на шалаш.
Может, есть “фазенды” и богаче,
Но ведь, дорогие, дом-то наш!

НА КОРДОНЕ

Иду домой вдоль берега над Зушей,
А по плечам лист сыплется сухой.
За хуторок уходит день потухший
И длинно тень кладет передо мной.

Леса, леса, вас залечили дустом.
Как выжить, не сломаться, устоять?
И больно мне, во мне такие чувства,
Как будто кто-то обижает мать.

Сквозит кордон. Труба белей и тоньше.
Шуршит стезя. Грудь ломит от забот.
Когда ж, когда к моей опавшей роще
Опять пора зеленая придет?

* * *

Чем тебя сманили города?
Каково тебе там без деревни?
И деревня без тебя куда?
Ни детей, ни свадеб — мир затерянный.

А вчера еще один на слом
Увезли домишко на машине.
Был и нет. А чей-то отчий дом...
Ключ на пне. На пень ложится иней.

ГАРМОНЬ

Ерофей играет рьяно,
Рвет мехи, как водится.
Ерофей сегодня рано
В клуб колхозный ломится.

Хлопнул друга по спине,
Приласкал гармошку —
Мы, мол, с ней всегда в цене,
Знайте, мол, Ерошку.

Колосится рожь за клубом,
Набегает к клубу шлях.
Ерофей разлегся чубом
На малиновых мехах.

— Ой, калина, ой, малина,
Ой ты, неба бирюза!
У тебя, моя калина,
Верки Паниной глаза.

Частит припевками Ерошка.
То впляс, то гоголем дружки
И под Ерошкину гармошку
Вбивают в доски каблуки.

Но вот по шляху — из окошка —
Чья песня в сумерках дрожит?
Еще сильнее рвет Ерошка,
И пальцы ж—жах, и пальцы ж—жих.

То голосами, то басами,
И так и этак, сатана.
А уши шевелятся сами,
Частушка Веркина слышна.

— У меня взгляд — огонь,
Грудь медовая.
Да меня только тронь,
Я бедовая.

Я царевной пройду
До околицы.
Эх, подковки мои,
Колоколицы!..

Верка Панина с порога
Впляс — по зальчику духи.
Ерофей на Верку строго
И ладони на мехи:
— Вон ты сделалась какая.
— Да такая.
— Нам пора.
По субботам не играем,
Пусть вам в городе игра...

Убегает степь за клубом.
Ну ушел — кому на зло?
Ерофей стоит за дубом.
Мокнут веки, сохнут губы,
Растревожено село.

ЗОЛОТИСТАЯ РОЗА

С куста подмигнет золотистая роза,
Росинками вспыхнет, искрит.
А только дотронься, как тут же занозу
Она, молодая, вонзит.

Но, шип за шипом по стволу отгибая,
Надломишь, протянешь, а там
Прильнет она, тенью дыханье сбивая,
К полуудивленным губам.

О, женщина с розой!.. Вдруг остренько шило
Кольнет выше ушка ее.
Красавица сада сопернице милой
Так выскажет горько свое.

И капелька крови. И ала заноза.
Замрут каблучки вдалеке.
Лежит, не нужна, золотистая роза
Одна в раскаленном песке.

Над садом заходят июльские грозы.
И — боже! — свежа и чиста,
Другая другим золотистая роза
Свисает с того же куста.

ЛИПУШКА

Липа-липушка... В прежнюю пору
Плечи ей омывали ручьи.
А сейчас выше берега поросль —
Три ствола, три сестры, три свечи.

Скоро медом, душистым и липким,
Обольет их одну по одной.
И тогда к этим тоненьким липкам
Приходить станет кто-то другой.

Гвоздь ли старой загонит в живое,
От дождя ль себе выжжет дупло.
А пока что внутри под корою,
Как в душе материнской тепло.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

А я люблю дожди слепые!
Вот он, мгновенный и косой,
Сверкнет случайно по крапиве
И пылью пролетит, босой.
Повис, висит, вздохнуть не смея.
Не видит или сделал вид,
Что из травы, блестя и рдея,
Клубника на него глядит.

Но вот заметил, приложился,
Катнулся просяным зерном
И убежал, и растворился,
И укатился следом гром.

А солнце — по лугу лучами,
А луг — в лучистом серебре.
И семицветно гнется пламя
В кривую саблю на горе.

* * *

Тело будет предано земле,
Дух же мой развеется ветрами.
Проплывет седыми облаками,
Восходя от речек и полей.

Облака сомкнутся, закипят,
Обернутся тучными дождями.
Упаду стеной в свой старый сад —
В городок свой, на свой домик, к маме.

Соками антоновку налью,
Семечками щелкну в мякоть, — слышишь?
Падать вниз, к земле своей, люблю,
Чтобы снова подниматься выше.

У ТРЕХ СОСЕН

Все о живых узнаешь по кладбищу.
По суете. Какой тут лабиринт!
В трех соснах каждый блудный что-то ищет.
Отзаблуждался, нет его, зарыт.
Ряды, роды. Век прошлый, день вчерашний.
Ужасный сон, великолепный сон:
Над золотом усадьбы патриаршьей —
Вселенский звон, непробуждаем звон.

Колокола — малиновы и древни.
Колокола — гудят свое, живут.
Усталый лист кидается с деревьев.
Жалея всех, кричит сорокопут.

При жизни врозь, могилами соседи.
Живым так надо. Все дела, дела...
Неужто крикам, заключенным в меди,
И после нас качать колокола?

ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА

Зеленую палочку под вечер где-нибудь спрячем,
А утром все ищем, где спрятали, —
палочки нет!

Мы тоже мечтали, что жизнь как-нибудь
переиначим,
А счастья, как видно, запутался в прожитом
след.

Могила Толстого. Здесь в детстве он
палочку прятал.

Идут к нему люди, хотел бы он сам или нет.
Какой человек был, конечно, умища палата!
А счастья, как видно,
запутался в прожитом след.

Зеленую палочку под вечер где-нибудь спрячу,
А утром взгляну, на какой она выведет след.
Вот жизнь свою сам себе чуточку переиначил,
А счастья как не было, так и, наверное, нет.

* * *

Когда я в голосе — пою.
Я полегоньку, без нюансов.
Чужую нежность, как свою,
Беру из стареньких романсов.
Лети-лети, звезда моя!
Над жизнью — миг, век — над могилой.
Одна уйдет из бытия,
Другая вспыхнет с новой силой.

Зеленый росчерк над судьбой...
Уходит жизнь, а все туда,
Где за достигнутой звездой
Вдали еще одна звезда.

ЦЫГАНСКОЕ ЗОЛОТО

По рябине, по рябине — к клену
Чуткий подбирается огонь.
— Дай-ка предскажу судьбу, миленок.
Дорогой, позолоти ладонь.

— Лучше погадай своей подруге.
Сам могу, хотя и не цыган.
Ходим, глянь, по золоту в округе,
Набивай деньжищами карман.

Сад, как банк. А расплатиться нечем.
Под ногами золото, да не то...
— Говоришь, неплохо обеспечен?
А зачем играешь в спортлото?..

У окна под тихий шелест грустно.
Ветки то в валюте, то в рубле.
Листья — эти стынущие чувства —
Медленно стекаются к земле.

РОДНАЯ УЛИЦА

Золотая улица в мае звонче втрое,
Шумы тополиные входят в каждый дом.
Зацветает улица в утро голубое,
Осыпает голову пуховым дождем.
На деревьях — зелено, под ногами — зелено.
Ходишь, улыбаешься встречному порой.
Почему бы улицу за красу весеннюю
Не назвать Зеленою вместо Золотой?

Разгоняет солнышко утреннюю просинь,
И душе просторнее в городе своем.
Потому что улица в ласковую осень
Осыпает голову лиственным дождем.
На деревьях — золото, под ногами — золото.
Ходишь, удивляешься щедрости такой.
Не за это ль улицу, за красу осеннюю,
И назвали ласково люди Золотой?

Сыплет снег за окнами вечер бело-синий.
Та же ль эта улица, тот же ль этот дом?
Только двинешь веточкой, как мохнатый иней
Осыпает голову снеговым дождем.
На деревьях — серебро, под ногами — серебро.
Ходишь, согреваешься думою одной:
Почему бы улицу за красу за зимнюю
Не назвать Серебряной вместо Золотой?

ДРУЗЬЯМ

Молодая осень, утренняя проседь.
Время уж торопится, жизнь уже летит.
Мчит меня, неистовая, годы перелистывая.
Путь назад отрезан, впереди открыт.

Все, с кем были биты, мной не позабыты.
На ковре березовом росы держат след.
Хоть они и ранние, но — воспоминания.
Этот друг мой жив еще, тех, пожалуй, нет.

Не спеши обидеть, торопись увидеть:
Собирают горсточкой, а теряют вмиг.
К вам, родные ждущие, жившие — живущие,
Просинью и проседью навсегда приник.

III

***

Я весь, как мотор, в нетерпении.
Стою — заведенный, дрожу.
Мне дизельное песнопенье,
Как ветер под крылья стрижу.

Вот-вот в поле выведу трактор,
Уж дольше терпеть не могу.
Сигналом мне вспыхнула кратко
Ракита на том берегу.

***

Конь всхрапнул, потрянул кривой уздечкой,
Ускакал в покосные луга.
Вот как разомкнулась эта речка,
Лишь замкнули дамбой берега.

А у нас турбина бредит в танце,
А под нами толщ и глубина.
Мы теперь летучие голландцы,
Если посмотреть на нас со дна.
Там, на дне, — деревни, Русь святая,
Кладбища... Еще чуть-чуть вперед,
И дубы, макушками пластая,
Ой, проткнут голландский теплоход.

РАННИЕ ПТАХИ

Над хутором спящим луна молодая.
По пояс в тумане табун на лугу.
Звенит мое эхо, в лесах утопая,
И я его мыслью догнать не могу.

Семь раз повторился мой голос по речке.
О чем я, зачем я, кому говорю?
Ржаною соломой растоплены печки,
И искры летят, занимают зарю.

Вот-вот к водопою прихлынут коровы,
Взбрыкнет на свое отраженье бычок.
И эхо короче. Леса чернобровы.
В лесах чернобровых турлычет сверчок.

Мы — ранние птахи. Приникну к окошку:
Луна молодая разбита ведром.
А мать уж сует мне блинков на дорожку.
Сейчас я уйду. До свиданья, мой дом!

ПИСЬМО С БАЙКАЛА

“Весь мир земной тобой очеловечил,
Твой профиль вижу через всю страну.
И все пишу, тянусь к тебе навстречу,
Как рельс, кладу слова звено к звену.

Стволы к стволам... Да есть ли жизнь другая?
Один свалил, а два передо мной.
Но я встаю, я спину разгибаю
И все валю, валю их по прямой.

Пройду тайгу под взглядами твоими,
Пробью тоннель на пламенный Восток
И пронесу твое льняное имя
По перекресткам судеб и дорог.

И где-то там, в завьюженном распадке,
Где мы еще не наломали дров,
Наш горизонт, наш век, крутой и краткий,
Из дней таежных выведет любовь”.

ТАЕЖНЫЙ ПАРАД

В скалистых дебрях Забайкалья,
У самых вод Баргузина,
На этом кладбище случайном
Могилка тихая одна.

На ней строка: “М.Кюхельбекер.
Врач. Декабрист. Певец-поэт”.
Всего-то слов о человеке.
А все же след, а все же след.

Идут колонны. “КРАЗЫ”. Краска
Горит на фоне снежных скал.
Идут бойцы на свой участок.
На перевал, за перевал.

В строю колонны. Строй на марше.
Парадом будущих побед.
И принимает строй не маршал.
А ссыльный. Декабрист. Поэт.

МИРАЖИ

Миражи над июльским Байкалом,
Воспаленного дня миражи.
Грозный лик разметался по скалам,
Вверх усами упал и лежит.

Пеленой оторвался от сини,
Над водой провисает, суров...
Бредит каждый своею Россией
Здесь у дымных таежных костров.

Оборвался “култук”, обессилел.
Провернулся над чьей-то судьбой.
И упали обломки в Россию —
Скалы, выточенные рукой.

А ведь — сфинксы — кого-то пугали,
И ведь — лики — кого-то вели.
Мы по острым обломкам ногами
Остроту ощутили земли.

Крошим в крошево — ада и рая
Установленные рубежи,
Защищая себя, очищая
От липучего страха и лжи.

ЖЕЛТЫЕ ВОДЫ

Припомнились Желтые Воды,
В болотине лес-великан.
Под Новый год вездеходы
Там высадили десант.

Стояла она, как невеста.
/Вот вижу ее до сих пор/.
Так сердцу вдруг сделалось тесно,
Что в снег опустился топор.

— Не надо, ребята!.. У елки
Стоял бы охранюю век.
Не помню, какие иголки
Ссыпались в притоптанный снег.

ХОЛМОГОРЫ

М.В.Ломоносову.

Ушел помор с надеждою на случай.
С обозом рыбы. В стольную. В зарю.
Был в сапогах, а не в лаптях-онучах.
Умел читать и не по букварю.

Ушел помор в науку, словно в море.
Тащить корабль из косности и тьмы.
И с чужеземством в тяготах и споре
Перевернул и горы, и холмы.

Земля моя — равнины и просторы.
Но и сегодня ходит меж умов,
В России так: всем видимые горы
Обычно начинаются с холмов.

КИЖИ

*Виктору Пулькину —
собирателю легенд.*

В деревне, что у водопада,
Он громко в молодости жил.
Не говорил, а грохал — надо.
И правил голос на Кижы.

Через леса, через легенды
В Кижы работником пришел.
Он грохотал, и немцы, венгры
Не знали что, но — хорошо!

Слова кладя рядком и ладом,
Вниманью искреннему рад,
Он делал тихим голос — надо,
И все слышали водопад.

Его Кижы, его деревню,
Где к сказу сказ, молва к молве...
Такое грохало! Деревья —
Бывает! — гнулись и в Москве.

В МИХАЙЛОВСКОМ

Стоянка. До Михайловского. Стежкой
В Тригорское. Опять сюда. В носке
Святого треугольника не крошка,
А целый холм — “коврижка” в тростнике.

Нас трое. Мы — друзья. Хороший вечер.
Когда-то еще свидимся, когда?
Михайловское. Пушкин мой, до встречи!
А нам опять в другие города.

Случись, судьба себя покажет слишком.
“Все суета”, — сказал Экклезиаст.
Не пропадем, коль есть у нас “коврижка”.
Нам хлеб насущный помереть не даст.

РЮРИКОВ КРЕСТ

Изборская крепость
На западной точке Руси.
Ну камень, ну репа!
Кто пробовал — не откусил.

Здесь стены и башни
В щербинах, царапинах, мху.
В щель ветер вчерашний
Загнал травяную блоху.

Крестом. Угловаты
Дороги. Гранит. Возле стен
Арийски разлаты —
Крест Рюриков. Вечен, нетлен.

А где-то, где Бунин —
Как благовест среди месс,
Знак общий в день судный —
Изборский покоится крест.

ГЕРДЕР

Тесный каменный дворик.
Узенький черный бюст.
Длинное эхо истории.
Гердер — философ, густ.

Сущность вещей — из зренья,
Истина — из идей...
Домский собор в сомненья
Втягивает людей.

Домский собор над бюстом —
Боги. Орган. Гигант.
Если первичны чувства,
Значит, вторичен Кант?

Вот и растут соборы,
Высится человек...
Гердер ищет опоры,
Мыслью тревожен век.

* * *

Трясет дома, глотает зданья,
Ломает землю вкривь и вкось.
Вот-вот все рухнет мирозданье,
Собьет с пути земную ось.

В кабине радиопомеха,
И не садится самолет...
А нестареющая Пьеха
Уж в фонд Армении поет.

ВОРКУТА

Антенны гнет полгода,
Ночь — выколи глаза.
Такая здесь погода,
Разбей ее гроза.
Воркута, Воркута, —
Вот гудило, воркота!
То день длиннее ночи,
То ночь длиннее дня.
Жена ворчит, порочит:
“Куда завез меня!
Что ж солнце не садится,
Работает за двух?..”
— Позвольте извиниться,
Мы — в отпуск, мы — на юг.
Живут у мамы. Впрочем,
Опять ворчит жена.
То день длиннее ночи,
То ночь короче дня.
Привыкнул лишь к акации —
Зеленому кусту,
Давайте собираться
К себе на Воркуту.
Воркута, Воркута, —
Вот гудило, воркота!

СМЕЮЩИЙСЯ САМСОН

— Петергофские фонтаны —
Чудо из чудес! —
Говорит носатый малый,
Метит шельму бес.

Он возвышен, он при деле,
Он экскурсовод.
Ведь всерьез, не для модели,
Этот культпоход.

Ввысь взлетает словесами,
Просто опьянен.
Что тебе фонтаны сами,
Даже сам Самсон!

Выдает носатый малый,
Ихняя звезда:
— Это Петр все! Здесь — фонтаны,
А с холмов вода.

И течет все самотеком,
Не сухой закон...
Там аукнулось, тут боком
Чувствует Самсон.

— Хорошо. Мы понимаем, —
Кто-то из хвоста. —
Аппарат что надо. Знаем —
Змеевик, вода.

Не пойму одно, хоть тресни
/Я про аппарат/,
Как работает он, если
Воду отключат?

СУДАК

Мы привыкли, что судак — это рыба.
А Судак — это гора, это глыба.
Это — Генуя была, это крепость.
Страшно глянуть со скалы, лучше — в небо.
Как подумаешь, от сих генуэзцы

Шли с оружием на Русь, так и сердце
Вздрогнет, часто застучит. Здесь, бывало,
Мать за грошик продавали — все мало.
В латах выставили строй — все за деньги.
С Куликова сам Мамай — в эти стенки.
Да за деньги голова и слетела...
А Судак — это гора, это — дело!

САХАЛИН

Великий, да не тихий океан.
От самой Чили как волну взгрохочет!
Все хочет разломить напополам,
Да Сахалин сам этого не хочет.

Плывет, как рыба. Мечет ли икру,
Но — факт, набит он паюсной, такую,
Что помогает вырасти Добру,
А Зло и так растет само собою.

СЫНУ

/надпись на "Морской энциклопедии" /

Да будет шторм, да будут льдины,
Грядут страдания земли.
Лишь настоящие мужчины
К Добру приводят корабли.

За это, сын, не жди медалей,
Ведь одинаково везде
"Грехи нам пишут на металле,
Заслуги чертят на воде".

СТЕПНЯКИ

Степняки — мы с мальчишества бредим о море,
Нас пьянит голубой океан.
Стану волком морским — загремлю на моторе,
На ветру просолен и багрян.

За селедкой — к Канаде посудину водим,
За акулой — гоняться не лень.
А еще говорят, почему, мол, уходит
Молодежь из своих деревень?

А еще говорят, почему она бродит,
Где все пенится, тайны суля?
На большой голубой, океанской свободе
Нет желаннее слова “земля!”

И еще говорят, примечая в народе,
Дай года переступят межень,
С головой непокрытою все мы приходим
К тихим речкам своих деревень.

МУЖЕСТВО

Великим Северным путем
Брел караван, вошел в азарт.
Горящим снегом, жарким льдом
Сверлило лезвия-глаза.

И берег вроде был нелеп,
И руль казался непокорным.
И рулевой вдруг крикнул: “Кэп!
По курсу солнце вижу черным!”

И капитан, всегда угрюм,
Вспылил впервые: “Сто чертей!
Другую вахту! Эту — в трюм!
Держать подольше в темноте!”

И перед тем, как им уйти,
Сказал, и сам бледнее мела:
“Запомни, парень, только белым
Оно бывает на пути”.

НА РАССВЕТЕ

/монолог/

Умирала песня,
Как тут не тужить?
Оставалось песне
До рассвета жить.

К стали вороненой
Тянется рука,
Синенькая жилка
Бьется у виска.

“Жизнь судьбой не вышла...
Все не те слова...”
Оттого все ниже
Гнется голова.

Сколько отпустила
Ей природа-мать,
Столько бы и жилке
Этой трепетать.

Что ей, жилке синей,
Горевать, когда
Правдой живы села,
Да и города...

И коснуться страшно
Ворона руке,
Если эта жилка
На твоём виске.

А в деревне. Дома. На свободе.
У окна, где сад роняет лист,
Дядя Миша медленно отходит,
Умирает песенник-артист.

Сколько песен сыграно и спето,
Сколько свадеб, проводов. И вот
Скоро сзади своего портрета
Понесут ногами наперед.

Двери настезь — в сенях бродят утки.
Уж не бросит хлебца им, сторел.
Как мне жаль, что все его погудки
Выучить я так и не успел.

Как мне жаль, что столько русских песен
Унесет заслуженный артист.
Мир широк, да дяде Мише тесен
У окна, где сад роняет лист.

СТАРИЧОК-ПОЛЕВИЧОК

Старичок-полевичок,
Добрый старикашка.
Где поднял боровичок,
Где сорвал ромашку.

Кнут и пряник — все в суму,
Все-таки копейка.
Нелегко жить самому,
Ведь судьба — злодейка.

Сколько горя повидал,
Голодал частенько.
Оттого, наверно, мал:
Недоел маленько.

СТАРИК И САД

Сажал Старик антоновский прививок.
Огородил, чтоб телке не залезть.
— Ты, дед, того, — поддел сосед игриво. —
Сажай иль нет, а яблоки не есть.

Дед, знал, конечно, яблоня не вишня.
Дождись попробуй этот самый плод.
— Да ладно, — он сказал. — Не будет лишней.
Какая кралька! Пусть себе растет.

Сосед не знал, чем был Старик отмечен.
На трех китах его держался бог.
Хоть не убог был вроде, не увечен,
А двух китенков изловил из трех.

Сложил он сказку про людей хороших.
И сына — одного, но — воспитал.
А дерево под зимнюю порошу,
Чуть не забыл, и вот теперь сажал.

— Ты молодой, — сказал Старик соседу. —
Но вижу, брат, умен не по годам.
Сажай сады, да вовремя, чтоб следом
Свой плод насущный мог отведать сам.

БЕЛЫЙ ГРИБ

Рос под елкой белый гриб —
Всем грибам полковник.
Он командовать охрип
И прилег под коврик.

А к нему нагнули лапу
Белочки-соседки.
Хвать полковника за шляпу
И к себе на ветки.

Млечный Путь в глазах двоится,
Высоко сияет.
А полковнику не спится:
Звездочки считает.

ПОЕЗДА

Поезда. Сумасшедшие скорости.
К обреченному шел черед.
Стороною толпился горестно
Пожилой станционный народ.

Просто вышла электролиния,
Тополям этим не повезло.
Вот и плахи валяются синие,
Ветки черные в крючья светло.

И летят, и летят по станции
Поезда, эшелоны в мороз.
Шпалы с рельсами греются танцами
Под железные ритмы колес.

ИППОДРОМ

Вот ипподром. Со старта и в разбег!
Здесь рысаки вели свои сраженья.
Секунды диктовали им успех,
А чаще отмеряли поражение.

Из-за минут, из-за долей секунд
Темнынь в глазах, сердечная одышка.
Здесь плетью отстающих не секут.
Их — в ломовые, спишут их, и крышка!

И позабудут раз и навсегда.
Их вычеркнут, как отслуживших в роте.
Секунды — вещь коварная, когда
Не за тебя, а за себя, а против.

НЕКРАСИВЫЕ КОНИ

Пролететь в “kozyрях” бы деревней,
Чтоб навертывалась слеза.
Под неистовый бег деревьев
И метелицы под полоза!

Есть такие кони в России.
Им — попоны, им — ипподром.
Только я о других, некрасивых,
Ломовых, из-под сена и дров.

Отстранили их от работы —
Кони-пахари, отставники.
Дизелей вместо них теперь роты,
Батальоны и даже полки.

Подступлюсь иной раз к бригадиру,
Говорю ему, не грубя:
— Брось соломки, сермяжному, ирод!
Видишь, тянет и воз, и тебя.

Но — некованного — на льдище
Палкой хрясь, как меня по лицу.
— Что ж ты де...
— А, в стране таких тыщи.
Раздерем — пустим на колбасу.

Пролететь, просквозить бы деревней,
Да примерзли, видать, полоза!
Что ж качаетесь пьяно, деревья!
Да плюетесь метелью в глаза!

ЧУБАРЫЕ, РАСКОСЫЕ

Земляки мои, орловские,
Кони — вьюга, рысаки!
Грива вроссыпь, вожжи скользкие
Так и валятся с руки.

В серых яблоках, чубарые,
Чуть раскосы, все в отца.
Родословной ходит в баловне
Кровь тугая жеребца.

Эй, залетный! Грудью глянцевою
Ленту ай не оборвем?
Закормили тебя яйцами,
Запоили молоком.

А покинет прыть, — как мерина,
/Э, да что былая стать!/
Где-нибудь привяжут к дереву
И забудут отвязать.

Воронье слетится — вороны,
А тебе уж все равно,
Что на все четыре стороны
Только карканье одно.

А пока, пока копытами
Сыпьте вволю, все свои!
Гой вы, кони, в седла влитые,
Только вихрями и битые,
Чуть раскосые мои!

***

На танцплощадке кони танцевали...
Весь день из парка вывозили мусор,
А к вечеру сюда их, трали-вали:
Ходи, табун, под музыку зулуса!

В предчувствии весны кружились кони, —
На холке губы, глаз косил отчаянно.
И в их протяжном вымученном стоне
Был голос звезд, космическая тайна.

Она напомнит, что и он рысак.
Его казак седлал в былые годы.
И он заржал!! И дрогнули леса,
И побежали, покатались воды.

Весна идет! Ее поводыри
Не те, что развлекались тут в загоне,
А те, что от зари и до зари,
Забыв про мусор, ржали у двери...
И вальс на танцплощадке кружат кони.

ТОСКА

Качался в синих сумерках фонарь.
Маячила дощатая ограда.
Лось острыми ноздрями слышал гарь
И там, за стенкой, дремлющее стадо.

Он вспомнил, как спасла его пурга,
Когда в подругу выстрел грянул гроздью.
И кинул на плеча себе рога,
И затрубил на ледяные звезды.

Он возроптал. Он чувствовал окрест
Себя опять в тысячеружном круге,
Устав нести свой одинокий крест
Без близкого дыханил подруги.

И он ударил в дверь литым плечом.
Ввалился внутрь, взревел, осатанился,
Пыхнул через губищу горячо
И — перед рогом вдруг остановился.

Они стояли — жуткие, глаз в глаз.
И усмехнулся он, дикой и гордый,
Увидя — это точно! — в первый раз
Тут у нее сколько угодно корма.

Он утра ждал. Беззвучный, как фугас.
И звезды ночевали возле глаз.
А рядом, как обычно, в лунной спячке
Коровы мудро шевелили жвачки.

КУКУШОНОК

Подрстет кукушонок в гнезде
И махнул крылом: до свидания!
Вроде мама такому везде,
Вроде родина расстояния.

И порхает с ракиты на клен,
Век отсчитывая прохожему.
Не дроздом, не кукушкой рожден,
На кого только чудо похожее!

От лесов получая свое,
За пролетами, за утехами
Он не видит, как в грозы вдвоем
Дрозд с дроздикой дрожат под застрехами.

ВОЛЧИЙ ШЛЯХ

Его забрали у волчицы.
И на коровьем молоке
Он рос, приглядываясь к лицам,
К куску баранины в руке.

Уж не щенок. Уж лезет в драку.
Давно просохло молоко.
Не убивать же, как собаку,
В лес и прогнали далеко.

Но отчего же, отчего же
Его волнуют в той игре
Сама деревня, сани, вожжи
И та, с кем был в одном дворе.

Он ходит к ней, тоской охвачен.
Она пугается, визжит.
И в спину брех ему собачий,
И псиной голову кружит.

Он отойдет. И жутким воем
Подлунный мир оледенит.
Он — волк, ему бы жить разбоем,
Да вот деревня не велит.

А завтра снова к той деревне,
Упрямый волк все за свое.
А из-за изб — не в Риме древнем —
Под сердце целится ружье.

ПОГОНЯ

Медведь пугнул оленя у ключа.
Метался, тонконогий, от медведя.
Рога ветвями стлались по плечам,
Копыта колотили гололедье.

Вот через ров. Вот через речку. Миг —
И позади мохнатая погоня.
Вдруг в ветку ветвь, и хрустнул хрупкий вихрь.
Упал олень и ногу тянет, стонет.

Но надо встать: там по пятам медведь.
Рвануться из предсмертья, из агоний.
А тот сопит, тому свое успеть.
Он хищник, он же создан для погони.

След мечен кровью по холстам зимы.
Жизнь мечена случайностью, звездой.
Он вышел на высокие дымы
И замотал ветвистой головою.

Он жался к людям, раненый олень.
Он верил им, в груди еще светило.
Но угасал его последний день,
Сжимался зовом оленихи милой.

Лес был ночным покоем растревожен.
“Не повезло”, — вздохнули из сеней.
И брызнул зверь на голос нервной кожей,
Косил, дикарь, на избы и людей.

Глядел на нож тоскующе, шалело.
Смертельный холод крался по губе.
И сделал нож свое простое дело,
И каждый что-то выгадал себе.

Какую страсть на шее горделивой
Лесная глушь пересекла, как нить.
За красоту, в момент ее счастливый,
Всей жизнью вдруг приходится платить.

ДЕЛЬФИН

Он был подобен черной скользкой глыбе.
Он весь лоснился, лежа на волне.
Он вел корабль в большой путине к рыбе,
Играючи на малой глубине.

А у матросов жадных сохли губы
От предвкушенья выпивки в порту.
Как скалы, неотесаны и грубы,
Они детьми резвились на борту.

Один рыгал на плавники спросонок,
Другой швырял объедки со стола.
Он терся об обшивку, как ребенок,
И пищу эту глотка не брала.

Он был поэт, он вел других к удаче.
И гаркнул кэп: “Сеть на воду, пошел!”
И взрезанный винтами — по-собачьи
Кровавый ком забился среди волн.

БАБУШКИНО СОЛНЦЕ

Тень да тень —
Целый день.
Что тебе, синичка,
Птичка-невеличка?
Песенка, как лесенка:
Тиу-тиу, тень да тень,
На сугробе полутень,
Под сугробом спрятан пень.
Как начнет ворочаться,
Птичке кушать хочется.

“Тиу-тиу, пинь да пьень,
Я не ела целый день.
Поиграю в ладушки,

Помогу-ка бабушке.
Тиу-тиу, пинь да пень,
Отряхну ей всю сирень,
Обогрею ей плетень.
Бабушка, хорошая,
Покорми нас крошками”.

Тиу-тиу, тень да тень.
Пиу-пиу, пень да пень.
И в мороз поется
Птичьему народцу.
Оттого что бабушка
Испекла оладушка,
Надавала внучеку:
“Угости голубчиков”.

От блинов горяченьких
Песенке тепло.
И морозец прячется
Где-то за село.
И текут сосулечки
В ручеек по улочке.
И висит вверху один —
Самый пышный, самый жаркий,
Самый круглый, главный блин.

Чистит птичка перышко,
Машет им в оконце:
“Бабушка, хорошая,
Испекла нам солнце!”

МУРАШИ

Бегут ребятки голые,
Увертливые, черные.
Такие все веселые,
Такие все проворные.

А им навстречу — рыжие,
Враги единокровные.
Такие все обиженные,
Такие все огромные.

На узком перекресточке
Вот-вот опять сойдутся.
И затрещат аж косточки,
Аж кровушки прольются.

Тут дождик по-над крышами,
Пролил струями скорыми.
И черные — за рыжими,
И рыжие — за черными.

Под кустик бы, под веточки —
Присесть бы, обсушиться.
Да не шумите, деточки,
Никто вас не боится!

* * *

Здесь каждый холм под небесами
Такой родной мне холм-солдат.
Его зелеными глазами
Вдаль провожаю журавлят.

Плакучей белою березой
Свечу дорогу впереди.
И льется дождь — не вдовьи слезы,
И льются слезы — не дожди.

Летит косяк — мы эхо слышим
В настороженной тишине,
Пока живем, покамест дышим,
Пока не гибнем на войне.

Зову в одно — в родню сплотиться,
Взглянуть на Родину от звезд,
Упасть и сердцем прислониться
К сердцебиению берез.

ДОЛГОЕ ЭХО

Прогрохочет над долиной росной,
Прогремит, раскатист, по лесам.
Как в телеге десятиколесной,
Сам Илья промчит по небесам.

В хуторок вильнет моя дорога.
Суслик пискнет где-нибудь в стерне...
Звуки в небе, в поле, у порога,
Все они вокруг и все во мне.

Кислый дождь уходит в волны хлеба.
Лес поник, дождями опален.
Из воронки обжигая небо,
Долгим эхом догорает клен.

ОВСЯНОЧКА

Овсы звенят, овсяночка поет.
На елке лапы вниз, как полотенца.
А здесь упал когда-то самолет
И до воды достал горячим сердцем.

И вот я здесь учителем. С реки
Повеет вдруг таким туманом-болью.
А в небесах — мои ученики.
Я снизу ввысь гляжу на них с любовью.

Овсы звенят, овсяночка поет.
И шлейф багряный тянет самолет.

СНЫ

Липкий страх сползает с пианино...
Я проснулся, вскинулся, сижу.
Где я — тут ли, у кровати сына?
Там ли, в детстве, взорванный, лежу?

Но едва, усталого, к подушке
Вновь свинцом притянет голова,
У кого-то снова я на мушке,
Снова подо мной горит трава.

И опять наваливают дяди
На детей ужасный груз войны.
Целятся ракетами, не глядя,
В сны мои, в мои цветные сны.

Перевит кошмарами свинец.
Взрыв — и спишь спокойно: все, конец.

СНЕГИРИ

*Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобный, милый снегирь?
Г. Державин.*

В городке, где зыкали коровы
И в крапиве глохли пустыри,
Жили-были братья Снегиревы,
Близнецы, мальчишки Снегири.

Но рвануло бомбою у церкви,
В городок нагрянула орда.
Под пилой упали и померкли
Яблони. В дома вошла беда.

Не траву в подвальчиках косили.
Не косою играли косари.
Все равно гоняли в небе синем
Турманов мальчишки Снегири.

Поднимали сизых с голубятни,
Опускали сизых на подклеть.
Что ж вы развлекаетесь, ребята,
Ведь с косою ходит-бродит смерть!..

Бал, как говорится, был окончен:
Близнецов поставили к стене.
Били — днем, пытали — черной ночью.
Жители таились в тишине.

Виселица. Конный враг и пеший.
До земли не дотянуть носка.
Пронеслись с очередной депешей
Голуби из ближнего леска.

Падали на плечи снова, снова.
“Шевелись, — просили, — говори”.
Но — молчали братья Снегиревы,
Милые мальчишки Снегири.

...Небо необъятное над нами.
Светлая, скорбящая страна.
В тихом городке под облаками
До сих пор клопочут турмана.

БЕССМЕРТНЫЕ

*Тюляну — французскому летчику,
погибшему в небе Орловщины*

Из синего неба, из красного неба
Куда залетели, орлы!
Короче, любители белого хлеба.
Короче, друзей — за столы!

И целили в свастику, насмерть разили,
Себя не жалели в бою.
На русских машинах, на нашем бензине,
А душу имели свою.

И не возвращались... Мы, русские, все бы
Собой заменили бы их...
И падало синее, красное небо
На белые лица живых.

“Нормандия-Неман”, “Нормандия-Неман”
На улице в старом Орле...
Французские булки не валяются с неба,
Их тоже пекут на земле!

ЗА МОЖАЙ

Март. Угрюмый ельник в Подмосковье.
Снег в овраге ноздреват, парит.
— Как здоровье, бабушка Прасковья?
— Так. Как масло, — говорит, — коровье.
Тает и питает, — говорит.

— Помните войну? — Да как не помнить.
Грех не помнить, внучек. Не пора.
Капли, слышишь, цокают, что кони.
Хоть земля отходчива, не стонет,
Да сама все вижу, как вчера...

Конница. Доватор, брови в брови.
Рейд к Можайску с шашкой по тылам.
Плачено за то великой кровью.
Главное, чтоб видела Прасковья.
Чтобы знала, верила, ждала.

ПЛАКАЛА КОРОВА

Шел сорок третий. Немцы, отступая,
Жгли городок. И к нам беда вот-вот.
Дед вывел коровенку из сарая
И бросил за садами: пусть живет...

Замкнулось небо. Пламя озверело.
Рванулись в погреб все снега зимы.
В саду корова — Манечка редела,
Ей было страшно, как горели мы.

А утром двор был пуст, чужой, приглашен.
Не верилось пустынной тишине.
И вдруг — разведка. “Наши! Наши!! Наши!!!”
Хлеб-соль! А чем? Все сгинуло в огне.

И мать доила Маню спозаранку:
“Ну, милая, родная, выручай!”
Она ласкала Манечку-белянку,
Она молила хоть бы каплю в банку,
Тянула вымя, мяла сгоряча.

И Манечка дыхнула в наши лица,
Переступила, глянула в глаза.
И на ее белесую ресницу
Вдруг выкатилась крупная слеза.

Созрела, подержалась и упала
На черный снег, на обожженный снег.
Она, корова, что-то понимала,
Она, корова, от войны устала,
Она, корова, плакала за всех.

...Идут года. Непраздно и сурово.
Смотрю живущим, как себе, в глаза.
Но вспомнится, как плакала корова,
На самого накрутится слеза.

НАШ ДОМ

Он отошел, оставив пепелища.
Труба да печь, да дым над головой.
Еще война, еще осколки свищут,
Но надо жить и воевать с бедой.

Из блиндажа бревнину на бревнину
Не приподнять, как отощали мы.
Нам эту вот дубовую тесину
В простенок уложить бы до зимы.

До холодов, до школы — вот задача!
Мне в первый класс, и я уже большой.
Мать, дедушка и я /такая кляча!/
Везем свой воз — не силой, а душой.

Да эту кладь не вывезла б и лошадь!
Но лошадь что, она не человек.
Не довоенный — чуточку поплосше,
Да вот живем, на крышу валит снег...

Когда стихи о снежной той пороше
Впервые, так волнуюсь, я писал,
Подумалось, какой же он хороший,
Наш дом, что сам возил, рубил, тесал.

“ПАМЯТЬ МИТИ”

По лесам, по полям, по дорогам.
На ходу, под грозой, при костре.
Если я и молюсь, то, ей-богу,
Деревцу где-нибудь на бугре.

Потяну проводок перемятый,
Синеватый такой проводок.
Здесь присыпало глиной солдата:
Вот и каска, а вот котелок.

Вдруг на ложке поблеклой, смотрите,
Из царапин возникнут слова:
“Край Алтайский. Залесский район. Память Мити”.
Слышишь, мать его, если жива?..

Видишь, Митя, а все же записку
Прочитали, скупую, твою.
И строкой ты прилег кobelisku,
Дай-то, боже, последним в бою.

ОСВОБОДИТЕЛЬ

Дважды рядовому Василию Елисееву

Пахали поле, извлекли останки
Солдата, погребенного войной.
Дрожали письма на руках крестьянских —
Полуистлели, сделались трухой.

И все же имя это сохранили:
Был Елисеев... восемнадцать лет...
На нем же рожь могучую косили,
Встречали с плугом не один рассвет.

Скорби же. Елисеевское поле.
Простреленная русская земля.
Не будь тебя, еще какой бы доли
Хлебнули Елисейские поля!

СЕРГЕЮ ТЮЛЕНИНУ

Все знамена. Лица, лица, лица.
Что собрало вместе, что свело?
Полземли смогло переселиться
В это среднерусское село.

Полотно сползло — и в удивлении
Новому рождению своему
Глянул на живых Сергей Тюленин,
И они придвинулись к нему.

Он стоял — несломленный, могучий.
Как на пытках. Замер и молчал,
Проволокой схваченный колючей
По груди, по шее, по плечам.

Он смотрел туда, в седые дали, —
За багряный краешек земли.
А над головою пролетали,
На Донбасс спешили журавли.

“МИЛЫЕ, МИЛЫЕ...”

Русским женщинам

Наши мамы когда-то копали поля,
Поднимали лопатой Россию дернистую.
Было им, нашим мамам, не до соловья,
Что сейчас имена их над ухом высвистывал.

Дарья из-под Прилеп, Катя — хата с конца,
Ольга, какой уже нет, и Ариша Калымова...
Я колена считал у него, стервеца.
Как он бил, разорялся в заросце малиновой!

Отцветали сады. И, горланя за двух,
Дожигая сады эти, белые, стылые,
Соловей вдруг сказал:
“Милый друг, милый друг”.
Повторил еще явственней: “Милые, милые”.

УТРЕННЯЯ ЗОРЬКА

От дома до Зорьки —
Шесть километров.
Шесть месяцев шли к ней
По сантиметру.
Шесть месяцев поле
Собой устилали,
Шесть месяцев душу
Атаки терзали.

А мы на рыбалку
Сюда на рассвете,
Бывало, бежали —
Счастливые дети.
И не замечали

Всех тех километров,
Какие слагаются
Из сантиметров.

Какие берутся
По сантиметру,
До Утренней Зорьки
Все шесть километров.
Мы цену земле
Только тут и узнали,
Когда на траве
Прилегли и... лежали.

“КАХОВКА”

Круча над синей Окой,
До луны подать рукой.
Вон куда Орел
Залетел, забрел.
Все мы хороши под луной.

Мчатся тачанки мои,
Падают люди свои.
Девушку в шинель
Кутает апрель.
Все у нас бои да бои...

Берег седой от волны,
Лики — от бликов луны.
Город мой Орел
Тишину обрел.
Все не выйдем мы из войны.

***

Дуб вековой
Простер шатер.
Чей глаз заметил,
Кто сказал впервой —
Мудер.
Кто сказал второй —
Хитер.
А третий?
Третьему —
Позор.

***

Был хлеб насущный — хлеб мы съели,
Переработали металл.
Капели тоже отзвенели
О чей-то низкий пьедестал.

А что в потомках отразится,
Что у людей всегда в цене?
Что и куется, и калится:
Дух человеческий в стране.

***

Себя на лени барственной ловлю.
И сам себя, покуда есть, ломлю.
Кого-то обижают — я кричу.
Велят молчать, а я не замолчу.
Так и живу торчком, а не плашмя,
Как будто бы не с сердцем, а с двумя.
Как будто жизнью две, а не одна.
Все душу раздирает сатана.

***

Я ненавижу облик лисий,
А в нем наборы догм и вер.
Все это он, бог Дионисий,
Из мракобесия пещер.

В одной руке его трезубец,
В другой — отравленный стакан.
Каков кумир, таков безумец —
Сомнамбулический экран!

Но от себя, от преступлений
Бежит душа на волю, вон.
И, слава богу, есть тот гений,
Есть бог, что лечит в час сомнений,
Он — златокудрый Аполлон.

***

Это Фрейд. Это он, прорицатель.
Без него не узнал бы того,
Что в какой-нибудь фанзе иль хате
Все мы дети отца одного.

Бело-желтые, красные с белым, —
Эти яблоки зреют для нас.
Но ведь кто-то надкусывал первым,
В самый первый, божественный раз?

В кущах сада, где древо ко древу,
Где любой обольщал — обольщен,
Вот Адам угостил свою Еву,
А философ уж вывел закон.

***

На чем стою, за что в себе сражаюсь,
Перебирая всякие реле?
Хлеб есть насыщенный, мягко выражаясь.
Есть даже сахар к чаю на столе.

Но где-то мальчик-безнадега плачет,
Свело кому-то стронцием живот.
А рвет меня, я не могу иначе.
Кусок не лезет в горло, не идет.

Бог, если есть ты, ешь поменьше хлеба.
Не отнимай последнего, халдей!
Жизнь коротка. Помилосердствуй, небо!
Хоть что-нибудь да сделай для людей.

БЬЮТ ПЕРЕПЕЛА

Стою посередине лета —
Кругом луна и соловьи
Пропагандируют поэта
И пропадают от любви.

А тут строка — такая трезвость,
Такие океаны лжи!
Перепела, имея дерзость,
За то и бьют всю ночь во ржи.

А я — от ветки тупиковой,
Гнилой продукт, живой реликт,
Смеюсь и плачу, бестолковый,
Гранитным сохраняя лик.

“Помрем за веру и отечество.
За шелк знамен, все русское любя!”
А сдерни шелк — увидишь, как замечется
Червяк, что мнит отечеством себя.

Все тянет нить, питаюсь вроде листьями.
Так стянет шелком горло — запоешь!
Вот и пойми, что есть на свете истина,
А что за этой истиною ложь.

БЕЛЫЕ ШАРЫ

Мы — антики. Мы — те, в кого играют.
Мы на бильярде белые шары.
Все кием бьют, все в лузу забивают, —
Антимиры, антимиры.

Кий в щепки, на мельчайшие осколки.
Кричат, а виноваты, мол, шары.
И втихара “чужих” снимают с полки, —
Антимиры, антимиры.

Мой антимир! За что деремся, братцы?
Каков ударчик — редкостной красы!
“Ах, боже мой, как хочется стреляться
Среди березок средней полосы”.

Пусть кию — киево, бильярдово — бильярду.
Мой Кантемир! Мы в бурном море книг,
Как на сукне зеленом этот миг
В кругу шаров, звено в цепи интриг.
Чтоб черный шар не смели кинуть барду,
К бильярду, господа,
К бильярду!

ДРЕВОТОЧЕЦ

Точит книги древоточец,
Извлекает фактики.
Проверяет, между прочим,
Гениев на практике.

Утверждая утвержденных —
Все-таки при классике.
Вроде сам такой огромный
Древоточец масенький.

Древоточец книгу точит —
Свежую, не ветхую.
И съедает, между прочим,
Самую заметную.

ЭПОЛЕТЫ

И жив, и вот в ссбе уверен,
Хоть пулей сбило эполет.
Недоубит, недорасстрелян,
Недораспят, недораздет.

Мой парус. Белый, одинокий.
Мой берег. Дальний, роковой.
И что ему все эти склоки,
Ваш этот табор гробовой?

Опять стрельба, опять погони,
Опять умельцы на коне?
Куда несутся ваши кони,
Кого вы ставите к стене?

Под завершение перестройки
Несовершенных изначал
По ком стенают ваши тройки —
Иезуитский трибунал?

Ревущие тридцать седьмые!
Довольно стены кровью мыть.
По плахе мерить наши выи,
Через колено нас ломить...

Когда срывают эполеты,
Подозревают или нет,
Но производят нас в поэты.
Когда кипишь, когда поэт, —
Хорош и так, без эполет!

1987 г.

* * *

Поэты чем-то сходны, только злей,
С конструкторами звездных кораблей.
Но зло у них — не лишний вес, на граммы.
На лишний слог, на лишний аппетит.
Переборщил, — и в доминанте драмы.
Как и корабль, стих просто не взлетит.

ПИАСТРЫ

Кропал в поту лица стихи.
Как в тике, дергал шеей нервно.
Кричал себе, жене, другим:
— Шедевры создаем, шедевры!

Иначе просто жить зачем?..
И попугай зелено-красный
Поэту вторил на плече:
— Пиастры делаем, пиастры!

Так жизнь прошла. Он понял то
Уже в постели, умирая.
Кто был поэт, а умный кто,
Держал его за попугая?

Так жизнь прошла. Он понял то
Уже в постели, умирая.
Кто был поэт, а умный кто,
Держал его за попугая?

... Мой этот стих — из самых первых
Поэт, пиастры заодно.
Пора понять, что все шедевры
Уже написаны давно.

ГЛАГОЛЫ

Слова, слова, а нужно лишь одно.
Свое на вес, на цвет, на вкус и запах.
В строку улечься, в ритм войти должно —
Пружинистое, как сердечный клапан.

Твой дом — слова. Твои слова — дома.
Ты в них живешь. Имей такую смелость,
Так обживай дома свои — тома,
Бездомным чтоб войти сюда хотелось.

В грозу любую эта крыша — их,
Твои дома — людское достоянье.
Когда к тебе приходит проза, стих,
Ведь это ты молчать не в состояньи.

Глаголь же, совесть! Плавь родную речь!
Цели и рань, вставай и падай снова.
Хоть каждый день клади себя на меч,
Чтоб остро было, живо было слово.

ПОШУТИЛИ

*В Москве, во дворе бывшего Союза
писателей СССР, перед памятником
Л.Толстому, сожжено чучело Евтушенко.
Из сообщений.*

О, зрящие духом, от бога витии!
От дьявола — черти с горы!
Те взяли недавно и пошутили,
А эти — за топоры.

Так вот эта шуточка нас и мотает.
Пегас не оседлан стоит.
Чего нам нейдет, чего не хватает
В стране облетевших раки?

Тут Русь запустела. Тут стенка на стенку.
Тут рушатся в душах мосты.
А эти сжигают пустяк — Евтушенку,
Мельчат перед графом Толстым.

Так шутят по-нашему, в меру таланта.
Не Бруно ведь, не Галилей.
А все же вертится она — в аксельбантах!
И шуточки все веселей.

***

Поэт разделся перед дамой.
На то он, батеньки, поэт.
Тряхнул и лирикой, и драмой
И тут же выдал ей куплет.

Слагая стих Прекрасной Даме,
Как бы прекрасной ни была,
Не забывай, сынок, о маме, —
Не раздевайся догола.

***

Артист, — себя играя, как в кино,
По тону, по оттенку, по частице
Соединяю в целое, в одно,
В твое лицо — в тебя, другие лица.

Бездомная, — и я тому виной.
Безмолвная, — из Ветхого Завета.
Не уходи, поговори со мной,
О ты, жена, о ты, судьба поэта!

Не пропадай, не умирай... И вот
С разверстых губ слетает песнопенье.
Да кто ж она! Что дорого берет!
Она — строка, она — мое творенье.

ГАГАРИН

Не верю я в его паденье!
Что “черный ящик” ни твердит.
Был только взлет без приземленья.
Пока мы живы, Он летит.

ПАМЯТИ ВИКТОРА ХАРЫ

Вот Чили. С экватора — в полюс.
Как сабля по самую бровь.
По сабле, по сабле за пояс
Сбегает поэтава кровь.

Упала гитара. Прикладом
По белой рубашке вразлет.
Но пуля, с какою он падал,
Уже поднимала народ.

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА

Страдаю, как уходят дни.
Как пролетает Время, боже!
Все до минуты, все они —
Моя шагреневая кожа.

Найти слова, свои слова.
Без них мир просто невозможен.
Пока она еще жива —
Моя шагреневая кожа.

По дню за строчку? Вот я, на!
Режь по живому, сколько можешь!
И сокращается она —
Моя шагреневая кожа.

А ведь единственна, одна.
Уже с ладонь, а дышит все же.
И в этом вся она, она —
Моя шагреневая кожа.

КАЛИТКА

Сергею Есенину

Временем засвеченные свитки.
Слово вечно. Влито. Из огня.
К деревянной ссохшейся калитке
Стежка ловко вывела меня.

Вот она, зарница Русь — Россия!
Явь поэта, вороженья миг.
Ничего на свете нет красивей,
Выстраданней в нежностях моих.

Опадает в хне послеосенней
Знак беды, отчаянный порыв.
Свой большак торил сюда Есенин
И упал, калитку не закрыл.

Упаду и я в калитку косо.
Как звезда полыни ни горька,
К этим константиновским откосам
Катит и мои “кюри” Ока.

РУССКИЕ ТАЛАНТЫ

Куда зовут у Курского вокзала
Гостей Москвы — детей периферий?
— Экскурсия! — взывает зазывала. —
Не пожалеешь, что ни говори.

В Ваганьково вас ждет Сергей Есенин.
А если в Новодевичьем — Шукшин.
— Какой, Василий? Всех перекосили.
На что теперь расходуют бензин.

Бегут с полей в “кухвайках” и попроще.
Куда мы все боимся не успеть?
Куда спешим, мои живые мощи!
Пока живые, как не пожалеть?

Как ошалели русские таланты.
В Москву, в Москву со всех периферий.
— На кладбище! — толпятся экскурсанты.
Отчаянные русские таланты.
Пока живые, что ни говори.

ЛЕГЕНДА О СОКОЛЕ

В далекие, бывшие времена —
У корня жизни, гор земных на крыше —
Всем мера из ковша была одна.
Но кто сильнее, кто быстрее, выше?

Вот как-то Конь взрезвился, поскакал.
Он Ветер скользкий ощутил на шее.
И сделал свечку, топнул и заржал:
— Я — самый быстрый, кто меня быстрее?

Все были этим просто сражены:
Ужи, Лягушки, Суслики, Улиты.
Всегда считали, все они равны,
Но как теперь? Ведь у Коня копыта.

И Сокол смело бросился с небес:
— Ах, Конь, ты что! Ну, брат, и голосистый!
А если пред тобою речка, лес?
Я! Я на свете самый-самый быстрый!

Собрался Суд. Сплетали судьи сеть,
Судили и рядили на просторе.
Приговорили: проиграешь — смерть.
А победит, кто первым пьет из моря.

И Сокол взмыл, и Конь понесся вскачь
И скрылись за ближайшим перелеском.
Конь слышал где-то близко детский плач,
Но проскакал порывисто и дерзко.

В лесах его стегало по глазам,
Перекрывали путь большие реки.
Конь все терпел и, утопая сам,
Держал повыше уши, ноздри, веки.

Он научился плавать и не спать,
Лишь на бегу вздремнет такую малость,
Он разучился пить и есть, жевать,
Его валила жуткая усталость.

Не замечая Ветра, что тогда
Швырнул его в безудержную гонку,
Не видел Солнца, не глядел туда,
Откуда луч бросается вдогонку.

Он рвался вдаль, и даль его брала,
Съедая километр за километром.
Он все забыл, чем жизнь его была,
Остервенел, кляня тугие ветры.

И даже глаза в Небо над собой,
Где Сокол мчался, ту же мысль лелея,
Не смел поднять, но чувствовал спиной
Его над гривой, чуть повыше шеи.

И в ноздри вдруг ударило коню:
О Море, Море! В воду голубую!
Ему вся эта влага одному!
И он хватал — соленую, люблю.

И пал на берег, жалкий и больной,
Прорезав шкуру кострецом костистым.
А Сокол что? А тот отстал, герррой!
И прохрипел Конь: — Я! Я самый быстрый!!

И снова Суд. Все помнит, не забыл.
Приплелся Конь — разбитый, взбухли бабки.
Кто б мог подумать? А красавцем был.
Несли коняге сена по охапке.

— Ах, Сокол, Сокол, где ж ты был, злодей?
Тот виновато шевельнул поводья:
— Я видел их. — Кого? — Ну, Лебедей.
Я с ними был. Я знал Любовь, и — вот я.

И улыбнулся, к плахе просвистел.
Сложил крыла: секите, кончен в споре.
— Пощады ему! — содрогнулась Степь.
— Пощады!! — раскатилось где-то Море.

А он глядел в лазоревое Небо:
Белела точка, падала порой...
По правде говоря, я сам там не был.
А, если б был, за Сокола — горой!

КРАСНЫЙ КАМЕНЬ

/ легенда /

Трубка мира все курится
На Камчатке, у вулкана.
К ней пирогу краснолицый
Правит из-за океана.

Слышал он, цепляют Солнце
Эти горы, вот злодеи!
И оно, как над колодцем,
Все висит на скалах, рдеет.

Дальше тьма и холод дальше.
Ночь глухая, плохо людям.
И толкнул индеец важный
Красный Камень грудью, грудью.

— Пусть-ка, круглый, повернется.
Проходи, медведь мохнатый!..
Так вернул он бледнолицым
День прекрасный, Гайавата.

Ждет жена в своем вигваме
Гайавату, Гайавату.
Он уплыл на Красный Камень
По закату, по закату.

И теперь, когда ненастье, —
Дети мира сушей, бродом
Красный Камень катят к водам,
Чтобы люди жили в счастье,
Чтобы счастье шло к народам.

СТИХИ ВНАГРУЗКУ

ВЕСНА

И вспыхнуло все, загорелось.
Весна затрубила, держись!
И зелень на дереве — мелочь,
Когда вся зеленая жизнь.

Вот-вот все пожаром взорвется.
Светло ль под березой вдвоем?
И что тут сказать остается:
— Гори оно синим огнем!

А им целоваться бы надо.
А нам под березой стоять
Да вместе с пожарной командой
С брандспойтом за всем наблюдать.
31.03.92 г.

СИРЕНЬ

В белой фате, как невеста под окнами.
Встала на цыпочки, тянется, ждет.
Вот и уносят охапками, копнами.
Вот и погасла, оборвана вот.

Коим разбойником это придумано:
Больше ломаете — гуще потом!
Белая-белая, лунная-лунная,
Не отдавайся ему под окном.

Всю растащили, а что обещали?
В мае мой куст полыхает опять.
Так обезбожились, так обнищали —
Сил не хватает сирень обломать.
15.05.92 г.

ЧЕРНАЯ ВУАЛЬ

Уж не зальется Россия гармониями.
Как-то по-дикому кычет сова.
Все прокутили мы, все проворонили,
Опустошили святые слова.

Было ль былое да жили иль не жили?
В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией нежили,
Как на сплошной попадались обман.

Как нас на Север свозили вагонами,
Как по теплушкам сгорали дотла...
Вот за такими стальными прогонами
Дама пиковая вкось и легла...

Так и останусь, наверное, в меченых.
На ночь опять же разводят мосты,
Снова калечат уже покалеченных:
Кто-то — в Париж, а кого-то — в Кресты...

Силы небесные душу рисковую
Розгами молний секут пополам.
Синими брызгами даму пиковую —
Вас, как в шампанском, купают, мадам!

Круглая-круглая, — от постороннего
Черной вуалью укрыта луна.
Все прокутили да все проворонили.
А ведь Россия, простите, одна!

16.05.92 г.

* * *

Мы вымираем, Русь, мы вымираем!
Звезда - полынь, тебя за то виню.
Я каждый год имею дело с раем.
Я — что ни год, то друга хороню.

Они уж там, они — мои святые.
А тут по ним чернеет скорбь травы.
Все меньше тех, с кем был всю жизнь на “ты” я.
Все больше, с кем, конечно, я на “вы”.

Куда идем? За что мы натерпелись —
Потерянные дети той войны?
И снова бродят пастыри и ересь
Среди несуществующей страны.

Мы — призраки, мы — дырка на медали.
Кричи, кричи над ним, грачиный грай!
Его вот с этим холмиком сравнивали,
При жизни не впустив в тот самый рай.

Ударит ком о крышку гроба глухо.
Он был мой друг. Прости, святая Русь!
Себя хороним, а земля ей пухом.
Я тихо-тихо, в голос ей молюсь.

Россия, Русь, спаси себя, спаси!
Не дай иссякнуть людям на Руси!
Не дай погибнуть слову в наши дни!
“Россия, Русь, храни себя, храни”
Во имя отца и сына и святого духа.
Аминь.

18.03.92 г.

КОСЫЕ КАБЛУКИ

Несыты, разуты, раздеты.
Вкривь плечи да вкось каблуки.
Смотрите — то ваши поэты!
То ваш генофонд, мужики!

В кулак синяки под глазами, —
Король, император в бою.
Сто дней был когда-то на БАМе,
Сто сорок теперь на чаю.

Сегодня, богов защищая,
Падет гладиатор на круг,
А завтра Россия, нищая,
Испустит на паперти дух.

В великую Пасху, кося,
Изыди из нас, Сатана!
Пока на ослепла, Расея,
Молись за поэтов, страна!

5.04.92 г.

***

*Представитель Фонда Горбачева
покупает для бывшего Президента СССР
двухэтажный особняк во Флориде,
округ Шарлотт. Стоимость — 108 350 дол.
Из прессы.*

Я верил Вам, товарищ Президент!
Вы начинали хорошо и странно,
Как Зорро — боевик из кинолент.
Кончаете вот как-то иностранно.

В Америке — за что-то миллион,
В Японии — за то же миллиончик.
В Одессе от такого, миль пардон,
В гробу перевернулся бы Япончик.

Посеребрил Вам ручку гонорар, —
Экс-президент, экс-лидер, нью-философ,
И вот фазенда, море, божий дар,
Естественно, подальше от Фороса.

Зато вблизи, естественно, к тому,
Кто, как известно, назывался Троцкий.
Ну кто же позавидует ему,
Той личности, пардон, "искариотской".

В чужом раю Вам с Раей доживать,
А нам носить сухарь последний в торбе...
Как Вас нам, извините, называть,
По-ихнему, как покороче, — Горби?

Я верил Вам, товарищ Президент!
Вы были вроде для меня светило.
Все думалось, Вы истины момент,
А Вас вот во Флориду закатило.

А Ваши тут, в "Матросской тишине".
По улицам обманутые лица...
Не понимаю, объясните мне,
Как Вы, светило, по своей стране,
Сумели до Флориды докатиться?!

21.05.92 г.

СОДЕРЖАНИЕ

“Напомни, Родина, о храме...”	5
“Теплыми туманами повита...”	5
Моя серединная	6
Мой город	6
Родина	7
Родная речь	7
Имя твое	7
Гусли звончатые	8
“На лице моем курносом...”	9
Владимирская горка	9
Русь	10
Новгородский колокол	12
В степи	13
Половецкие краски	13
Вече	14
Шапка Мономаха	14
Первый полет	15
На девяти холмах	16
Сатрап	17
Иван Калита	17
Поле Куликово	18
Красивая мечта	18
Толмач	19
Ворота Тамерлана	20
Солдатская трава	20
Микула	21
По Владимирке	22
Соловки	23
“После класса, после клемм и схем...”	25
Ладья	26
Златокипящая	26
Малахов курган	27
Деревянные кружева	28
Ямская	29
На Тургеневском берегу	29
Камень на Оке	30
“Вечерний город. Голос странный...”	31
Тагинянка	31
Глазастая мадонна	32
“Тайная вечеря”	33
Египетские пирамиды	34
Сарматы	36
Вятчи	37
“Слово о полку...”	38
Великая смута	39
“Живу у леса с краю...”	40
Чертов палец	42
Деревушка	43
Вишневая звезда	43
Хрупкое светило	44

“Слово горячее, слово живое...”	45
“Ты пойдешь со мной на край земли...”	45
“Еще в пути, еще на теплом юге...”	45
Подснежник	46
Март синеглазый	46
“Отзвенели первые капли...”	47
“Не зови, не говори ”прощай”...”	47
“Сыплет снегами зима белоснежная...”	47
“Между нами таинственность комнат...”	48
Случайная встреча	48
Синее и зеленое	48
В парке	49
Ночи бессонные	49
Музыка	50
“Во влажном блеске черных глаз...”	50
На перроне	51
“Вызвездило тканевое небо...”	51
“Вечер в звуках. Луной притуманен...”	52
“Хороша, бездонна ночка лунная!...”	52
“Этот пруд пролил тебе когда-то...”	53
“Где твои белокурые косы?..”	53
На Троицу	54
“Обнимал холодную подушку...”	54
На кордоне	55
“Чем тебя сманили города?..”	55
Гармонь	55
Золотистая роза	57
Липушка	58
Слепой дождь	58
“Тело будет предано земле...”	59
У трех сосен	59
Зеленая палочка	60
“Когда я в голосе — пою...”	60
Цыганское золото	61
Родная улица	61
Друзьям	62
“Я весь, как мотор, в нетерпении...”	63
“Конь всхрапнул, тряхнул кривой уздечкой...”	63
Ранние птицы	63
Письмо с Байкала	64
Таежный парад	65
Миражи	65
Желтые воды	66
Холмогоры	66
Кижы	67
В Михайловском	68
Рюриков крест	68
Гердер	69
“Трясет дома, глотает зданья...”	69
Воркута	70
Смеющийся Самсон	70

Судак	71
Сахалин	72
Сыну	72
Степняки	73
Мужество	73
На рассвете	74
“А в деревне. Дома. На свободе...”	75
Старичок-полевичок	75
Старик и сад	76
Белый гриб	76
Поезда	77
Ипподром	77
Некрасивые кони	78
Чубарые, раскосые	79
“На танцплощадке кони танцевали...”	80
Тоска	80
Кукушонок	81
Волчий шлях	82
Погоня	82
Дельфин	84
Бабушкино солнце	84
Мураши	85
“Здесь каждый холм под небесами...”	86
Долгое эхо	87
Овсяночка	87
Сны	88
Снегири	88
Бессмертные	90
За Можай	90
Плакала корова	91
Наш дом	92
“Память Мити”	93
Освободитель	93
Сергею Тюленину	94
“Милые, милые...”	95
Утренняя зорька	95
“Каховка”	96
“Дуб вековой...”	97
“Был хлеб насущный — хлеб мы съели...”	97
“Себя на лени барственной ловлю...”	97
“Я ненавижу облик лисий...”	98
“Это Фрейд. Это он, прорицатель...”	98
“На чем стою, за что в себе сражаюсь...”	99
Бьют перепела	99
“Помрем за веру и отечество...”	100
Белые шары	100
Древоточец	101
Эполеты	101
“Поэты чем-то сходны, только злей...”	102
Пиастры	102
Глаголы	104

Пошутили	104
“Поэт разделся перед дамой...”	105
“Артист, — себя играя, как в кино...”	105
Гагарин	106
Памяти Виктора Хары	106
Шагреновая кожа	106
Калитка	107
Русские таланты	108
Легенда о соколе	108
Красный камень	111
Весна	112
Сирень	112
Черная вуаль	113
“Мы вымираем, Русь, мы вымираем!..”	114
Косые каблуки	115
“Я верил Вам, товарищ Президент!..”	115

Золотарев Леонард Михайлович

ГЛАГОЛЫ

Редактор Катанов В.М.

Технический редактор Туенков В.И.

Корректор Неврова Н.И.

Сдано в набор 6.09.92. Подписано в печать 19.11.92.

Формат 70 x 90 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 4,39. Тираж 2000 экз. Заказ № 2943

Изд. № 6.

МП “Простор” Упринформпечати

302030, Орел, ул. Московская, 17.

Типография “Труд” Упринформпечати

302000, Орел, ул. Ленина, 1.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

